

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра коммерческого права и основ правоведения

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

«Исковая давность в коммерческом обороте»

Подготовил: студент 4 курса

дневного отделения

Бисултанов Якуб Хас-Магомедович

Научный руководитель:

Доктор юридических наук,

профессор кафедры коммерческого права

и основ правоведения

Белов Вадим Анатольевич

Рецензент:

Заведующая кафедрой коммерческого права и основ правоведения,

доктор юридических наук, доцент

Абросимова Елена Антоновна

Дата защиты: _____

Оценка: _____

Москва

2018 г.

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Потребность коммерсантов в обособленном регулировании исковой давности: общие замечания	8
1.1. Основные начала регулирования исковой давности.....	-
1.2. Соотношение начал регулирования исковой давности в коммерческом обороте.....	11
1.3. Пределы действия обособленного регулирования.....	13
Глава 2. Продолжительность срока исковой давности	15
2.1. Факторы, подлежащие учету в коммерческом обороте.....	-
2.2. Определение приемлемой продолжительности срока давности.....	20
Глава 3. Момент начала течения срока исковой давности	23
3.1. Обоснование объективного подхода.....	-
3.2. Давность по требованиям из недостатков товара.....	26
3.3. Особенности применения объективного подхода по договорам транзитной купли-продажи.....	31
3.4. Необходимость учета явного или скрытого характера недостатков.....	34
Глава 4. Исковая давность и добровольные примирительные процедуры	36
4.1. Потребность коммерсантов в реагировании давности на внесудебные процедуры.....	-

4.2. Особенности реагирования давности на переговоры в коммерческом обороте.....	38
Глава 5. Соглашения об исковой давности.....	45
5.1. Основные аргументы в пользу ограничения свободы договора.....	-
5.2. Проблема злоупотребления свободой договора в коммерческом обороте.....	47
5.3. Проблема обеспечения определенности правоотношений.....	54
Глава 6. Исковая давность и иные сроки в коммерческом обороте.....	58
6.1. Срок обнаружения недостатков товара.....	-
6.2. Срок извещения продавца об обнаруженных недостатках.....	60
6.3. Гарантийный срок.....	64
Заключение.....	67
Список использованной литературы.....	69
Список нормативных актов.....	75
Перечень материалов судебной практики.....	76

Введение

Несмотря на то, что именно торговый оборот исторически выполняет роль фабрики множества важнейших институтов гражданского права¹, коммерческие отношения в сравнении с гражданским оборотом в узком смысле имеют специфику настолько глубокую, что наиболее широко обсуждаемой на страницах дореволюционной классической литературы по торговому праву стала проблема *дуализма частного права* (или *самостоятельности торгового права*)². В рамках этой дискуссии ни у кого не вызывает и не должно вызывать сомнений то, что нет совершенно никакой надобности навязывать торговому обороту правила, выработанные для общегражданских отношений, если существо коммерческих отношений с очевидностью требует иного правового подхода.

Посему основная цель настоящей работы состоит в том, чтобы дать ответ на следующие два вопроса:

- 1) испытывает ли современное российское право потребность в особом (специальном) урегулировании вопросов исковой давности в рамках коммерческих отношений?
- 2) если да, то каким именно это регулирование должно быть, дабы отвечать запросам торговли?

Российскому правопорядку специальное регулирование исковой давности в коммерческих отношениях на сегодняшний день практически неизвестно, однако отечественный законодатель довольно охотно подвергает нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) (в том числе правила об исковой давности) изменениям, идущим в ногу с мировыми тенденциями последних десятилетий (об основных реформах будет сказано далее). Дифференциация регулирования исковой давности в гражданском и

¹ Ансон В. Договорное право. М.: Юрид. лит., 1984. С. 13: «... договорное право является детищем торговли...»; Каминка А.И. Очерки торгового права. М.: ЮрИнфоР, 2002. С. 66.

² Каминка А.И. Указ. соч. С. 63 – 73; Удинцев В.А. История обособления торгового права. Киев, 1900. С. 105 – 214; Цитович П.П. Очерк основных понятий торгового права. Киев, 1886. С. 4 – 6.

торговом праве, на наш взгляд, вполне могла бы стать одним из направлений реформирования российского законодательства. Кроме того, некоторые отсутствующие в российском законодательстве нормы, в принятии которых заинтересованы, в первую очередь, коммерсанты, могли бы *с большим успехом использоваться в рамках общегражданского оборота*, как это произошло с внедренным в ГК РФ объективным 10-летним сроком исковой давности, о котором ниже будет сказано более подробно.

Основы учения об исковой давности в разное время разрабатывались и разрабатываются такими известными отечественными цивилистами и процессуалистами, как С.Н. Абрамов, М.М. Агарков, С.С. Алексеев, С.И. Вильнянский, В.П. Грибанов, М.А. Гурвич, Г.Ф. Деревянко, А.А. Добровольский, О.С. Иоффе, М.Л. Кириллова, О.А. Красавчиков, Е.А. Крашенинников, М.Я. Лапиров-Скобло, Я.М. Магазинер, Е.Я. Мотовиловкер, И.Б. Новицкий, А.А. Павлов, Б.В. Попов, М.П. Ринг, С.В. Сарбаш, А.П. Сергеев, Б.Б. Черепухин, Г.Ф. Шершеневич.

Однако, несмотря на значительное число качественных юридических исследований, касающихся института исковой давности, проблемы, раскрываемые в настоящей работе, в отечественной доктрине все еще не подвергались сколько-нибудь обстоятельной теоретической проработке. Нам не доводилось еще встречать русскоязычных сочинений, где были бы собраны и систематизированы те особенности торговых отношений, которые являются факторами, подлежащими непременно учету желающим урегулировать исковую давность в интересах коммерции нормотворцем (1), и где на основе выявленных факторов предлагались бы юридико-технические средства их учета, то есть конкретные специальные нормы (2).

Российской науке права известен ряд созвучных по названию нашей работе трудов³, однако авторы их не преследовали той цели, которая

³ Катаржинская Н.И. Исковая давность по требованиям, вытекающим из хозяйственных договоров // автореф. дисс., к.ю.н., М., 1966. Лапиров-Скобло М.Я. Исковая давность по имущественным спорам между

сформулирована нами выше: они дают представление в самых мелких подробностях о том, **как регулировались** вопросы давности в отношениях между хозяйственными организациями в советское время (материал, скажем прямо, весьма ограниченной ценности для современного исследователя коммерческого права, учитывая массу факторов публично-правового свойства в советском хозяйственном праве), о том, с какими сложностями сталкиваются суды при применении норм о давности в отношениях между хозяйственными и коммерческими организациями, разбавляя изложение нормативного материала и судебной практики общими вопросами исковой давности из теории гражданского права (например, соотношение права на иск в материальном и процессуальном смысле).

Сформулированная выше цель работы предопределила и постановку следующих задач исследования:

- 1) выявить жизненные особенности торговой деятельности, которые обуславливают потребность в регулировании исковой давности тем или иным образом;
- 2) выяснить, с какими проблемами сталкивается торговый оборот в современном российском праве при применении к нему общегражданского законодательства об исковой давности;
- 3) исследовать зарубежный опыт регулирования вопросов исковой давности в специальном торговом законодательстве, оценить и сопоставить выявленные подходы;
- 4) определить наиболее удачные для российского правопорядка юридико-технические средства учета особенностей торговой деятельности.

хозяйственными организациями. М., 1961; *Розенберг М.Г.* Исковая давность в международном коммерческом обороте: практика применения. М.: Статут, 1999; *Селезнев А.К.* Исковая давность в хозяйственных взаимоотношениях социалистических организаций. М., 1977.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы: исторический, логический, системно-структурный, формально-юридический и сравнительно-правовой.

Наименования иностранных литературных источников, использованных автором при написании работы и упомянутых в ее тексте, переведены на русский язык в библиографическом списке.

Глава 1. Потребность коммерсантов в обособленном регулировании исковой давности: общие замечания

1.1. Основные начала регулирования исковой давности

В последние десятилетия проделано много качественной исследовательской и нормотворческой (в том числе унификационной⁴ и реформаторской⁵) работы в отношении института исковой давности как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Для целей настоящей работы ключевое значение имеют унификации, посвященные специальному регулированию вопросов *исковой давности в коммерческих отношениях*. Центральное место в их числе без сомнения принадлежит Конвенции ООН (Комиссия по праву международной торговли) об исковой давности в международной купле-продаже товаров (Нью-Йорк, 1974 год) (далее – Конвенция об исковой давности), к положениям которой мы обратимся неоднократно. Большую ценность для нас представляют также положения об исковой давности в Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА (далее – PICC), а также в Единообразном торговом кодексе США (далее – UCC).

Вся указанная нормотворческая работа показала, что исковая давность является весьма удобно настраиваемым институтом, который можно конфигурировать в зависимости от целей законодателя, определяемых спецификой регулируемых отношений. Меняющаяся социальная, экономическая, политическая обстановка либо особенности отношений в какой-либо узкой сфере деятельности выдвигают на первый план ценности, которые подлежат первичному учету законодателем для удовлетворительного

⁴ См., напр., Принципы, определения и модельные нормы европейского частного права: проект общей рамочной (справочной) системы (далее – DCFR) (ст. III. – 7:101 и сл.), Принципы европейского договорного права (далее – PECL) (ст. 14:101 и сл.), проект Общеευропейского закона о продажах (далее – CESL) (ст. 178 и сл.), Кодекс европейского договорного права (далее – ECC) (ст. 134 и сл.) и др.

⁵ *Andrews, N.H.* Reform of Limitation of Actions: The Quest for Sound Policy. *The Cambridge Law Journal*, vol. 57, no. 3, 1998; *Catala, P.* Proposal for Reform of the Law of Obligations and the Law of Prescription: English translation by John Cartwright and Simon Whittaker. Oxford, 2007; *Law Commission* (Eng). Limitation of Actions Report No 270. London, Apr 2001; *Law Reform Commission* (Irl). Limitation of Actions Consultation Paper No 54. Dublin, Jul 2009; *Scottish Law Commission*. Report on Prescription No 247. Edinburgh, Jul 2017; *Zimmermann, R.* The New German Law of Obligations. Historical and Comparative Perspectives. Oxford, 2005.

их правового урегулирования. Анализ материалов редакционных комиссий, разрабатывавших обозначенные выше акты, показывает, что в рамках юридического конструирования норм об исковой давности нормотворец практически по каждому пункту регулирования балансирует между двумя основными антагонистическими ценностями:

1) *Устойчивость правоотношений*. Это та цель, ради которой в принципе существует институт исковой давности: «самая общая и самая решающая причина» его возникновения⁶. Участникам правоотношений необходим срок, по истечении которого они могут быть уверены в защищенности от застарелых требований. В противном случае даже вполне обоснованные и справедливые иски могли бы причинять обязанному лицу совершенно несоразмерную экономическую невыгоду. Это в свою очередь заставляло бы участников оборота вести хозяйство с оглядкой на огромное число рисков, увеличивающих издержки на производство и реализацию благ. Все описанное в настоящем пункте мы именуем **объективным началом исковой давности**.

2) *Справедливость*. Утрата права на иск в рамках института исковой давности связана не просто с истечением определенного периода времени, а с *нереализацией права на иск* в его пределах. Считается поэтому, что было бы при таком раскладе несправедливым по отношению к управомоченному лицу оставить вовсе без внимания вопрос о том, существовала ли у него в принципе возможность свое право на иск реализовать⁷. Нормотворец, пытающийся быть справедливым, разрабатывает ряд норм, реагирующих на ситуации, в которых оттягивание момента предъявления иска было по тем или иным причинам обоснованным. В этом состоит **субъективное начало исковой давности**.

Для того, чтобы регулирование норм об исковой давности не превращалось в бросание костей, нормотворцу необходимо не только четко

⁶ Савиньи Ф.К. Система современного римского права: В 8 т. Т. III / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М.: Статут, 2013. С. 472.

⁷ Zimmermann, R. Comparative foundations of a European law of set-off and prescription. – Cambridge University Press, 2002. P. 106 – 107.

осознавать стоящие перед ним цели, но и **иметь представление об арсенале юридико-технических средств их достижения**. Ориентиром в вопросе о том, к какой из двух обозначенных ценностей тяготеет та или иная норма, должен служить критерий **улучшения положения управомоченного лица**:

Таблица 1.

	Субъективное начало (улучшает положение управомоченного лица)	Объективное начало (противостоит интересам управомоченного лица)
Продолжительность срока исковой давности	Длительный срок	Сокращенный срок
Начало течения срока исковой давности	С момента, когда лицо узнало или должно было узнать о возникновении у него права на иск	С момента возникновения права на иск / иного объективного явления, не связанного с моментом познания
Приостановление течения срока исковой давности	1. Большое число оснований приостановления 2. Открытый их перечень (судейское усмотрение)	1. Сокращенный перечень оснований приостановления 2. Строго закрытый перечень 3. Ограничение применения института приостановления (например, приостановление лишь при условии

		существования оснований в последние 6 месяцев срока исковой давности)
Восстановление срока исковой давности	Учет уважительных причин пропуска срока исковой давности	1. Отсутствие института восстановления 2. Ограничение его применения (например, по кругу субъектов или по характеру требований)

1.2. Соотношение начал регулирования исковой давности в коммерческом обороте

До 2013 года в российском правопорядке субъективное начало в регулировании исковой давности являлось доминирующим: исковая давность не препятствовала предъявлению исков и спустя 30 лет после нарушения права, если об этом нарушении истец не должен был знать в течение указанного срока.

При таком односторонне-субъективном построении институт исковой давности лишается способности обеспечивать устойчивость и определенность правоотношений, ради которой он в конечном счете существует. Исходя из этих соображений, Федеральным законом от 02.11.2013 N 302-ФЗ в ГК РФ был внедрен жесткий внешний ограничитель – 10-летний «объективный» срок исковой давности, не подверженный воздействию норм, обозначенных в Таблице 1 как проявление субъективного начала:

- Он течет, по общему правилу, с момента нарушения права, а не с момента обнаружения лицом нарушения (п. 2 ст. 196 ГК РФ);

- Этот срок не подлежит восстановлению (абз. 3 п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 N 43);
- Приостановления течения этого срока также происходить не должно, исходя из грамматического и телеологического толкования⁸ упомянутого п. 2 ст. 196 ГК РФ (хотя ни в законе, ни в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ на это прямо не указано).

Очевидно, на наш взгляд, что соотношение субъективного и объективного начал исковой давности является различным в рамках общегражданского оборота (гражданского оборота в узком смысле) и оборота коммерческого: так, в рамках коммерческого оборота в силу организованности, систематичности и, как следствие, быстроты торговой деятельности вопрос «твердости и определенности этого оборота» стоит гораздо более остро по сравнению с общегражданским оборотом⁹. Достаточно вспомнить в этом контексте противостояние субъективной *теории воли* с объективной *теорией изъявления (оборота)* в договорном праве¹⁰, обеспечивающей устойчивость сложившихся правоотношений даже в ситуациях, когда на момент заключения договора действительная воля одной из сторон не соответствовала волеизъявлению. Интересы и запросы коммерции склоняют именно к проведению теории изъявления¹¹, вследствие чего по мере развития мировой экономики она получает все более прочные позиции.

По этой причине мы считаем, что исковая давность в рамках этих двух составляющих имущественного оборота должна быть подвергнута дифференцированному регулированию, тем более, что намеки на такую дифференциацию уже существуют в рамках российского правопорядка: ст. 205 ГК РФ, предусматривающая институт восстановления срока исковой давности, отсылает к понятию «нарушенное право гражданина», что формально не лишает возможности индивидуальных предпринимателей воспользоваться

⁸ Zimmermann, R. Op.cit. P. 108 – 109.

⁹ Каминка А.И. Указ. соч. С. 67.

¹⁰ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград, 1917. С. 236 – 241.

¹¹ Treitel, G. The Law of Contract. 11th ed. L., 2003. P. 1.

восстановлением для требований из своей деятельности. Однако Пленум Верховного Суда РФ вывел из-под действия этого института требования, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности: «тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность» не могут служить для предпринимателей оправданием¹².

Проведенное нами только что разграничение двух основных начал исковой давности будет играть центральную роль в следующих главах настоящей работы при выявлении наиболее удачных моделей регулирования отдельных вопросов давности в рамках коммерческого оборота. Однако для полноты картины и предельно возможной обоснованности предлагаемых нами решений эти два начала будут в каждой главе дополняться более частными ценностями и запросами коммерческого оборота, которые не могут быть оставлены без внимания при выработке специального регулирования.

1.3. Пределы действия обособленного регулирования

Надлежит, однако, правильно определить пределы применения подобного обособленного регулирования исковой давности в коммерческом обороте. Специальный правовой режим для участников торгового оборота всегда должен находить свое обоснование в специфике их деятельности, и, что самое главное, распространяться этот режим должен на торговцев лишь *в части осуществления ими своей профессиональной деятельности*.

Торговая же деятельность осуществляется именно посредством заключения и исполнения торговых договоров. С этим напрямую связано то, что правило безвиновной ответственности предпринимателя (ст. 401 ГК РФ) не распространяется на его деликтную ответственность. Особые опытность и профессионализм могут быть предписываемы предпринимателю лишь в рамках

¹² Абз. 3 п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 N 43 // СПС КонсультантПлюс.

привычных для него договорных отношений, а не носящих случайный для него характер деликтных или виндикационных правоотношений¹³.

По этой причине считаем недостаточно корректной привязку специального режима исковой давности в коммерческом обороте к требованиям, *связанным с осуществлением коммерческой деятельности*. Наиболее точной и удачной с учетом всего вышесказанного представляется формулировка, использованная в Конвенции об исковой давности (п. 1 ст. 1) для определения пределов ее действия: *требования, вытекающие из договора или связанные с его нарушением, прекращением либо недействительностью*.

¹³ *Zimmermann, R. Op. cit. P. 82.*

Глава 2. Продолжительность срока исковой давности

2.1. Факторы, подлежащие учету в коммерческом обороте

Определение продолжительности срока исковой давности – ключевой момент конфигурации ее правового механизма. Несмотря на поразительное сходство правил об исковой давности в различных правопорядках, продолжительность сроков давности варьируется в них весьма существенным образом¹⁴. Объяснять выбор того или иного срока давности необходимо в каждом отдельном случае с учетом всего массива локальных исторических, социально-экономических и политических причин.

В настоящей главе мы предпримем попытку выявить те факторы, которым должен придать значение законодатель, определяющий продолжительность исковой давности для коммерческого оборота, а также установить, какое именно влияние они должны оказывать на разрешение вопроса. На наш взгляд, учету подлежат следующие факторы:

а) начнем с самой общей особенности торговли, которая должна быть учтена при выборе срока исковой давности: речь об организованности и быстроте торговой деятельности, состоящей в повседневном заключении большого числа однородных сделок¹⁵. Описанное свойство торговли обуславливает особенно острую потребность в определенности правоотношений: коммерсант должен быть уверен, что по истечении определенного периода времени он будет избавлен от необходимости ворошить прошлое, отстаивая свою правоту в спорах по поводу сделок, следы которых вымываются в бесконечном потоке последующих торговых сделок. Естественно, чем меньше продолжительность срока исковой давности, тем в более устойчивом положении оказывается коммерсант.

¹⁴ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full Edition / Ed. by C. von Bar, E. Clive, et al. 2009. P. 1171 – 1174 (URL: http://www.transformacje.pl/wp-content/uploads/2012/12/european-private-law_en.pdf).

¹⁵ Коммерческое право : учебник для академического бакалавриата / Под общ. ред. Б. И. Пугинского, В. А. Белова, Е. А. Абросимовой. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2017. С. 17 – 18.

Эта же особенность торговой деятельности, следует заметить, обуславливает абсолютную неприемлемость для торгового оборота множественности сроков исковой давности по различным категориям требований. В первоначальном проекте Конвенции об исковой давности предлагалось ввести различное регулирование сроков исковой давности для требований из явных и скрытых недостатков товара (помимо дифференциации в вопросе момента начала течения давности различие состояло в том, что только скрытые недостатки ограничивались предельным 8-летним сроком давности)¹⁶. Делегаты, представлявшие в ходе обсуждения Конвенции, по их собственному утверждению, интересы сообщества торговцев («trade circles») в своих странах, решительно высказались против какой-либо дифференциации регулирования исковой давности в рамках коммерческого оборота, в частности в вопросе продолжительности сроков¹⁷.

б) несмотря на то, что торговому обороту противна скованность какой-либо формой совершения сделок¹⁸, исторически одним из важнейших атрибутов торговой деятельности стало ведение так называемых торговых книг, в которых «коммерсант ежедневно фиксирует все хозяйственные операции своего предприятия»¹⁹. А ведь одной из главных причин, по которой должника необходимо защищать от предъявления исков из застарелых требований, является утрата со временем доказательств, позволяющих ответчику отстоять правоту в споре.

Следовательно, логично принять во внимание тот период, в течение которого коммерсанты обычно хранят записи о совершенных сделках. Именно этот аспект, хотя его и нельзя назвать ключевым при принятии решения о четырехлетнем сроке исковой давности в УСС, был прямо обозначен его

¹⁶ *United Nations Conference on Prescription (Limitation) in the International Sale of Goods, New York; 20 May – 14 June 1974. A/CONF.63/16.Official Records (United Nations publication, Sales No. E.74.V.8). P. 6.*

¹⁷ *Ibid.* P. 186.

¹⁸ *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. В 4 т. Том I. Введение. Торговые деятели. - М.: Издательство Юрайт, 2016. – Серия: Антология мысли. С. 29 – 30.

¹⁹ Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 26. Изд-во "Советская энциклопедия". Издание 3-е. 1969 - 1978 гг. С. 101.

разработчиками в официальном комментарии как срок, соответствующий обычному периоду хранения коммерсантами документов торгового учета («normal commercial record keeping period»)²⁰.

в) коммерсант (начиная с самого изготовителя) при определении цены товара учитывает издержки, связанные в том числе с тем, как распределены юридические риски. Соответственно (на что было обращено внимание французской делегацией при обсуждении проекта Конвенции об исковой давности²¹, а также в справке по CESL, написанной по заказу Комитета по правовым вопросам Европейского Парламента в 2012 году²²), чем продолжительнее срок исковой давности в отношении договорных требований коммерсантов (в частности, из недостатков товара), тем выше издержки, закладываемые в цену товара: коммерсанту, к примеру, дороже обойдется страхование ответственности или предпринимательского риска.

В результате продавцы будут повышать цены в целях снижения собственных возможных потерь, от чего в конечном итоге пострадают розничные покупатели (потребители), а также экономика страны в целом. Описанный фактор является несомненным аргументом в пользу снижения продолжительности срока исковой давности, особенно в контексте таких принципов нормативно-правовой регламентации коммерческих отношений, как принцип обеспечения доступности товаров для населения, а также принцип поддержки отечественного производителя товаров²³.

г) «Чем позже проявляет себя недостаток товара, тем менее вероятно, что он является следствием несоответствия товара требованиям к качеству», - справедливо указывается в ранее упомянутой справке по CESL (см.

²⁰ Nelson, S. American Bar Association Section of International Law and Practice Reports to the House of Delegates. *The International Lawyer*, vol. 24, no. 2, 1990. P. 584.

²¹ *United Nations Conference on Prescription (Limitation) in the International Sale of Goods, New York; 20 May – 14 June 1974. A/CONF.63/16.Official Records (United Nations publication, Sales No. E.74.V.8). P. 190.*

²² URL: <http://www.europarl.europa.eu/document/activities/cont/201207/20120704ATT48278/20120704ATT48278EN.pdf> (Дата обращения: 06.03.2018).

²³ Коммерческое право : учебник для академического бакалавриата / Под общ. ред. Б. И. Пугинского, В. А. Белова, Е. А. Абросимовой. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2017. С. 35.

предыдущий пункт). Вокруг указанного соображения и выстраивает свою аргументацию датский ученый Henrik Lando, посвятивший отдельную статью вопросу обоснования продолжительности срока исковой давности в рамках отношений купли-продажи на основе реального опыта реформирования датского законодательства²⁴.

Обращается внимание на то, что если дефекты товара обнаружили себя лишь после определенного более или менее продолжительного периода времени, то, вероятнее всего, покупателю был передан качественный товар. Таким образом, придавать правообразующее значение поздним недостаткам товара – означает провоцировать предъявление многочисленных (преимущественно необоснованных) исковых требований.

С этим, вероятно (и, естественно, иными сопутствующими факторами), следует связывать тот факт, что требования из недостатков товара, имеющие, как было уже сказано нами выше, большое значение для торговли, исторически характеризовались сокращенным сроком исковой давности²⁵ (двухлетний срок предусмотрен ст. 438 Гражданского уложения Германии (далее – ГГУ), ст. 1648 Гражданского кодекса Франции (далее – ФГК), ст. 7:23 Гражданского кодекса Нидерландов, ст. 207 ЕСС, шестимесячный срок был установлен в ст. 44 Гражданского кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1922 г. (ред. 01.01.1952) (далее – ГК РСФСР 1922 г.), шестимесячный срок в соответствии со ст. 197 Болгарского закона об обязательствах и договорах, а также по ст. 154 Торгового кодекса Чили).

И хотя эта особенность относится к требованиям *из всякого договора купли-продажи* (заключенного не только в рамках коммерческого оборота), понятно, что **в конечном итоге она обслуживает именно интересы коммерсанта**, поскольку предоставление продолжительных сроков исковой

²⁴ Lando, H. A Rationale for the Limitation Period in Sales Law. 2007, available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=989362>.

²⁵ Schwenzler, I., P. Hachem, and C. Kee. Global Sales and Contract Law. Oxford University Press, 2012. Paras. 51.27 – 51.29.

давности покупателю по договору розничной купли-продажи повлекло бы попытки розничных торговцев сбалансировать распределение рисков, предусмотрев, к примеру, в договоре с изготовителем или оптовым торговым посредником увеличенный срок обнаружения недостатков, что вполне реально, учитывая мощные переговорные позиции торговых сетей в современной торговле. Кроме того, в рамках современного российского правопорядка негативным для коммерсанта-продавца (в частности, изготовителя) последствием предоставления продолжительного срока исковой давности могло бы стать предъявление иска к нему напрямую потребителем при обнаружении им недостатков, хотя в договорные отношения с потребителем изготовитель не вступал²⁶.

д) торговцы являются профессионалами: они живут торговлей, они зарабатывают ею на жизнь²⁷. «Кто вступит в торговый оборот, кто становится купцом, к тому предъявляются особенные требования»²⁸: торговец подчинен особой купеческой мере заботливости о своих и вверенных ему контрагентами правах. А, как было нами сказано выше, субъективное начало исковой давности стремится дать управомоченному лицу время, достаточное для того, чтобы реализовать свое право. Соответственно, надлежит исходить из того, что торговцу-профессионалу времени на принудительное осуществление нарушенного права нужно меньше, чем простому гражданину.

Именно поэтому в отношении коммерсантов государство может себе позволить более решительно проводить в законодательстве интерес в стабильности оборота²⁹.

е) наконец, специфика торговой деятельности состоит в том, что торговец никогда не занимается только продажей или только покупкой товаров: эти

²⁶ П. 3 ст. 18 Закона РФ от 07.02.1992 N 2300-1 "О защите прав потребителей".

²⁷ Коммерческое право : учебник для академического бакалавриата / Под общ. ред. Б. И. Пугинского, В. А. Белова, Е. А. Абросимовой. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2017. С. 18.

²⁸ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 30 – 31.

²⁹ Andrews N.H. Op. cit. P. 601: "In general, those engaged in trade or business should be expected to look after their interests prudently. Law reformers can afford to promote the public interests in certainty and procedural economy when considering the appropriate limitation rules applicable to such plaintiffs".

операции сосуществуют в постоянной неразрывной связи. Есть на рынке довольно обширный круг предпринимателей, для которых эта черта не является свойственной: например, организация может исключительно закупать продукцию, с помощью которой она оказывает услуги или выполняет работы без перепродажи купленных товаров.

У последней категории предпринимателей, стало быть, существует заинтересованность в том, чтобы требования из недостатков поставленного товара подчинялись максимально длительному сроку исковой давности. От подобной заинтересованности абсолютно свободны коммерсанты, которым придется очутиться по обе стороны отношений купли-продажи.

2.2. Определение приемлемой продолжительности срока давности

Приведенный анализ факторов, подлежащих учету при выборе срока исковой давности для требований коммерсантов приводит к однозначному выводу о необходимости введения в их от ношении сокращенных сроков исковой давности. К тому, что было сказано нами выше об исторически непродолжительных сроках давности по требованиям из недостатков товара, следует указать на двухлетний срок давности по ст. 179 CESL, на годичный срок исковой давности по требованиям из перевозки грузов (в том числе морской), предназначенной, в первую очередь, для коммерческого оборота (ст. 797 ГК РФ, п. 1 ст. 408 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации (далее - КТМ)), тогда как к договору перевозки пассажиров, не имеющему прямого отношения к торговле (по крайней мере, к легальной), применяется общий трехлетний срок³⁰.

На фоне всего вышеизложенного может вызвать определенное недоумение то, что Конвенция об исковой давности в ст. 8 фиксирует четырехлетний срок исковой давности. Такой же срок установлен в качестве общего и в ст. 2-275 УСС. Крайне любопытно и решение чешского

³⁰ Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / И.В. Бандурина, А.В. Демкина, Л.Г. Ефимова и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М: Статут, 2011. Т. 2. С. 207.

законодателя, который в ст. 629 Гражданского кодекса установил трехлетний срок исковой давности, тогда как в ст. 397 Торгового кодекса выбрал четырехлетний срок. Чем объяснить тот факт, что в актах, целиком и полностью посвященных специальному регулированию коммерческих отношений, отказались от использования коротких сроков давности?

Ответ на этот вопрос невозможен в условиях изолированного рассмотрения вопроса о продолжительности срока исковой давности без учета иных элементов ее регулирования, посредством которых нормотворец выстраивает определенный баланс между субъективным и объективным началом исковой давности. Все обозначенные в предыдущем абзаце правопорядки объединяет использование либо в качестве общего правила, либо в качестве специального правила для наиболее значительных категорий требований *объективного подхода к определению момента начала течения исковой давности* (ст. 2-725 УСС, ст. 9 Конвенции об исковой давности, ст. 393 Торгового кодекса Чехии (в отличие от Гражданского кодекса) - привязка к моменту возникновения права на иск независимо от того, когда истец должен был узнать о таковом либо к иному объективному явлению, например, передача дефектного товара).

Непосредственную зависимость между продолжительными сроками исковой давности и объективным подход к моменту начала ее течения подтверждают рассуждения, отраженные в материалах Комиссии по реформированию английского права. В Англии действует шестилетний срок в качестве общего правила по договорным требованиям, который был сочтен Комиссией по реформированию права 1977 года необоснованно продолжительным, особенно в области торговли («in the field of commerce»). Однако вариант сокращения срока давности ниже четырехлетнего посчитали не

подлежащим обсуждению до тех пор, пока английский законодатель исходит из объективного подхода к началу течения исковой давности³¹.

Итак, приведенные в настоящей главе рассуждения дают определенные ориентиры относительно того, какой срок исковой давности следовало бы установить в рамках российского правопорядка в отношении договорных требований коммерсантов. На наш взгляд привычный для субъектов российского оборота трехлетний срок является наиболее взвешенным и дипломатичным решением, однако лишь при условии введения в отношении коммерсантов специального правила об объективном подходе к моменту начала течения по их взаимным требованиям (обоснование этого подхода для российского правопорядка см. в гл. 3 настоящей работы):

- во-первых, как было отмечено нами ранее, чем меньше предусмотрено в законодательстве различных сроков исковой давности, тем удобнее их соблюдать;

- во-вторых, нужно понимать, что установление менее продолжительного срока наряду с объективным моментом начала течения давности наверняка будет иметь своим практическим эффектом стимулирование сутяжничества: коммерсант, чье право нарушено, под страхом упущения срока давности предпочтет сразу обратиться в суд вместо того, чтобы прибегнуть к более подходящим для торговцев добровольным внесудебным примирительным процедурам, на период проведения которых течение давности приостанавливается далеко не всегда (см. гл. 4 настоящей работы).

³¹ *Law Commission (Eng)*. Limitation of Actions, Consultation Paper No 151 (1998). Para.1.12: "Adoption of a substantially shorter period might ... cause difficulty unless English law were to abandon, as the normal terminus quo, accrual of the plaintiff's cause of action".

Глава 3. Момент начала течения срока исковой давности

3.1. Обоснование объективного подхода

В соответствии с п. 1 ст. 200 ГК РФ течение срока исковой давности начинается со дня, когда *лицо узнало или должно было узнать* о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. В следующем же пункте этой статьи устанавливается довольно обширное по своему охвату изъятие их субъективного подхода в пользу **объективного**: по срочным обязательствам начальный момент течения исковой давности определяется окончанием срока исполнения, тогда как по обязательствам с неопределенным сроком или сроком до востребования – моментом предъявления требования (либо истечением так называемого льготного срока – при наличии).

Формулировка второго пункта настолько широка, что ею, казалось бы, обнимаются практически все договорные требования. Стало быть, раз именно последними опосредуется торговый оборот, то и коммерческие отношения всецело подчинены объективному подходу. На деле все обстоит несколько иначе. Проблема формулировки п. 2 ст. 200 ГК РФ состоит в том, что в ней исковая давность по неведомым причинам **течет в отношении обязательства, а не в отношении права на иск**, возникающего в результате нарушения этого обязательства. Разница принципиальна: в результате нарушения одного обязательства может возникнуть несколько различных прав на иск, по каждому из которых давность может течь самостоятельно. Например, из нарушения срочного обязательства может возникнуть в самый момент нарушения право требовать по суду исполнения обязательства в натуре. По истечении предусмотренного в договоре срока после нарушения обязательства у кредитора может возникнуть право на договорную неустойку. Наконец, по мере возникновения у кредитора со временем убытков в связи с допущенным должником нарушением основного обязательства у кредитора также возникнет право требовать возмещения убытков.

Очевидно, что правило п. 2 ст. 200 ГК РФ не может охватить собой всех требований из нарушения обязательства³², поскольку иначе получалось бы, что исковая давность течет в отношении отдельных прав на иск еще до момента возникновения оснований для них (например, в случае с требованием о возмещении убытков – еще до возникновения этих убытков). Поэтому субъективный подход п. 1 ст. 200 ГК РФ в судебной практике распространяется на ряд договорных требований. Так, в случае возникновения убытков не в момент просрочки исполнения, а лишь спустя год после этого, срок исковой давности будет исчисляться с момента, когда лицо *должно было узнать о возникновении убытков*³³.

Другим примером являются скрытые недостатки качества товара: срок исковой давности начнет течь по требованиям из этих недостатков лишь с момента, когда о таковых *должно было стать известно покупателю*³⁴. Несмотря на установление двухлетнего предельного срока обнаружения недостатков, продавец согласно действующему регулированию может узнать о наличии у покупателя претензий по качеству и спустя 5 лет после передачи товара, если к тому же не учитывать возможность приостановления или перерыва течения давности. Несвоевременное сообщение продавцу об обнаруженных недостатках повлечет для покупателя отказ в удовлетворении требований лишь в случае, если продавцу удастся доказать возникшую в связи с промедлением невозможность удовлетворения требования или несоизмеримую затратность такового (ст. 483 ГК РФ), что сделать будет непросто.

Такое положение дел для коммерческого оборота следует считать неудовлетворительным по ряду причин:

³² Правило это, очевидно, в первую очередь, ориентировано на требования о присуждении к исполнению обязательства в натуре.

³³ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 15.10.2012 по делу N А56-52774/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁴ Определение Верховного Суда РФ от 06.11.2014 N 307-ЭС14-3985 по делу N А56-47381/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

Во-первых, сохраняющийся по множеству требований коммерсантов субъективный подход не отвечает упомянутой ранее потребности коммерческого оборота в определенности. Привязка момента начала течения исковой давности к субъективному фактору познаваемости крайне усложняет доказывание истечения срока, особенно с учетом того, что основными субъектами торгового оборота являются юридические лица, применительно к которым установление момента познания, как правило, требует внимания к «людскому субстрату» организаций и создает на практике множество проблем³⁵.

Во-вторых, субъективный подход к определению начала течения срока давности является мерой, направленной на защиту лица, которое не должно было знать о нарушении его прав и о личности ответчика. Это правило сходно с принципом вины: он защищает нарушителя, которым были предприняты все меры к надлежащему исполнению обязательства, какие должен был предпринять достаточно заботливый и осмотрительный должник (п. 1 ст. 401 ГК РФ). Между тем рисковый характер предпринимательской деятельности предопределяет ответственность и за то, что выходит за пределы стандарта должной осмотрительности. Полагаем, что и применительно к исковой давности по договорным обязательствам коммерсантов должен по аналогии применяться такой же подход: для начала течения срока имеет значение лишь то, когда состоялось нарушение, а не когда лицо о нем должно было узнать. К числу оснований такого решения можно отнести и то, что торговцу практически всегда известна личность предположительного ответчика по его договорным требованиям.

В-третьих, в пользу объективного подхода к определению момента начала течения срока исковой давности по договорным требованиям коммерсантов говорит и богатый зарубежный опыт регулирования торговых отношений. Так, именно к моменту *возникновения* права на иск или иному не связанному с познаваемостью нарушения объективному фактору привязывают

³⁵ Andrews N.H. Op. cit. P. 601.

начало течения срока ст. 9 Конвенции об исковой давности, п. 1 § 94 Общих условий поставок товаров между организациями стран - членов Совета экономической взаимопомощи 1968 / 1988 гг., ст. 2-725 УСС, ст. 607 Германского торгового уложения, п. 2 ст. 134 ЕСС, п. 8.1 Закона Королевства Бутан о коммерческой купле-продаже товаров. В CESL закреплён субъективный подход, однако он был подвергнут критике в упомянутой ранее в гл. 2 настоящей работы справке Комитета по правовым вопросам Европейского Парламента. Равным образом, несмотря на то, что в PICC предпочтение было отдано субъективному подходу, объективный подход отстаивался в меморандуме профессора Schlechtriem'a для рабочей группы по разработке принципов³⁶.

В-четвертых, российскому законодательству известны специальные сроки исковой давности, применяемые к отношениям, возникающим лишь, как правило, при осуществлении коммерческой деятельности, начало течения которых привязывается к объективным факторам. Так, в ст. 408 КТМ начало течения срока исковой давности по требованиям из договора морской *перевозки груза* привязано, по общему правилу, к моменту наступления события, послужившего основанием для иска. Объективный подход к началу течения срока давности также закреплён в ст. 13 №87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» по требованиям из договора транспортной экспедиции, которым также опосредуется в большинстве случаев коммерческий оборот.

Таким образом, субъективный подход к определению момента начала течения срока исковой давности, хотя и является важным достижением для гражданского оборота, не соответствует запросам оборота торгового, который нуждается в твердости положения его участников и одновременно в более рачительном отношении их к собственным правам³⁷.

³⁶ Working Group for the preparation of Principles for International Commercial Contracts. Chapter [...] Limitation of actions by prescription (Position Paper prepared by Professor P. Schlechtriem) – Rome, January 1999. P. 6 (<https://www.unidroit.org/english/documents/1999/study50/s-50-058-e.pdf>).

³⁷ Andrews N.H. Op. cit. P. 600 – 601.

3.2. Давность по требованиям из недостатков товара

Поставка является одним из договоров, прямо предусмотренных в ГК РФ и предназначенных для предпринимательского (а соответственно, и торгового) оборота: ст. 506 прямо указывает на то, что как продавец осуществляет поставку, так и покупатель приобретает товар, прежде всего, в процессе осуществления своей предпринимательской деятельности, то есть не для личного потребления. По этой причине есть основания распространять на договор поставки изложенные выше рассуждения о необходимости применения объективного подхода к определению момента начала течения срока исковой давности по договорным требованиям коммерсанта.

Следует, однако, это правило конкретизировать применительно к требованиям из недостатков поставленного товара, допускающим на сегодняшний день, как было показано выше, предъявление застарелых требований: моментом начала течения срока по ним должна служить передача товара покупателю. Обоснование этот подход черпает в следующих рассуждениях: по смыслу ст. 476 ГК РФ продавец отвечает за недостатки товара при условии, что они возникли до передачи товара покупателю или по причинам, возникшим до этого момента. Стало быть, если у покупателя все же возникло право требования к продавцу в связи с недостатками товара, то это означает, что ненадлежащее исполнение (нарушение) обязательства по передаче товара надлежащего качества было учинено продавцом уже в момент передачи товара (вне зависимости от того, когда недостатки себя фактически проявили)³⁸.

Сходное, на первый взгляд, правило закреплено в п. 2 ст. 10 Конвенции об исковой давности, где привязка начала течения исковой давности по требованиям из недостатков товара осуществлена к моменту фактического поступления товара во владение покупателя. Однако на деле момент передачи товара (delivery) и фактического его поступления во владение покупателя

³⁸ Chitty on Contracts. 31st ed. Vol. 1. Sweet & Maxwell (U.K.), 2012. Para. 28 – 032; *Schwenzer, I., P. Hachem, and C. Kee*. Op.cit. Para. 51.29.

(actual handover) часто не совпадают, поскольку передача товара – понятие сугубо юридическое, используемое законодателем, в первую очередь, для того или иного распределения рисков между сторонами. Так дело обстоит и в нашем законодательстве: товар считается переданным покупателю еще до поступления во владение последнего (в момент сдачи товара перевозчику), если договором купли-продажи не предусмотрено обязанности продавца по доставке (п. 2 ст. 458 ГК РФ).

Подход, избранный в Конвенции об исковой давности, вызывает следующие претензии:

- во-первых, составители текста Конвенции прямо обосновывали свое решение тем, что (вне зависимости от того, когда юридически товар считается переданным) только с момента поступления товара в фактическое владение покупателя последний получает возможность осуществить проверку качества товара и выявить его недостатки³⁹. Подобная аргументация годится, скорее, для обоснования субъективного подхода к определению момента начала течения исковой давности, которого в коммерческих отношениях надлежит избегать;

- во-вторых, привязка начала течения срока давности к моменту фактического получения товара покупателем оставляет без внимания особенность коммерческого оборота столь значительную, что именно ее следовало бы сделать отправным пунктом рассуждений в выборе того или иного подхода к решению вопроса начала течения исковой давности. Коммерсанты опосредуют движение товара от производителя к потребителю⁴⁰. Соответственно, специфика деятельности коммерсантов состоит в том, что они никогда не приобретают товар «для себя»: он предназначен лишь для дальнейшей его оптовой перепродажи. Этим обусловлен тот факт, что в подавляющем большинстве случаев коммерсант-посредник даже не увидит ни

³⁹ *United Nations Conference on Prescription (Limitation) in the International Sale of Goods, New York; 20 May – 14 June 1974. A/CONF.63/16.Official Records (United Nations publication, Sales No. E.74.V.8). P. 19 – 20.*

⁴⁰ *Каминка А.И. Указ. соч. С. 35; Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права: лекции. Т. 1. Казань: Типография Императорского университета, 1888. С. 2.*

один из приобретенных и проданных им товаров⁴¹, не говоря уже о том, что товары никогда *не поступят в его фактическое обладание*⁴².

Изложенные рассуждения и послужили основанием для претензии, выдвинутой представителем шведской делегации к тексту проекта Конвенции об исковой давности во время его обсуждения на конференции ООН: в качестве примера была приведена транзитная купля-продажа товаров, покупатель в рамках которой никогда не вступает в фактическое владение товаром, поскольку продает его третьему лицу еще до прибытия⁴³.

Официальный комментарий к тексту проекта Конвенции предложил следующее решение для случаев, когда покупатель не получает товар в свое владение⁴⁴. Предположим, продавец А заключил с покупателем Б договор купли-продажи товара, находящегося в пути. Не дожидаясь его прибытия Б перепродал товар покупателю С. В фактическое владение товар получит только С, однако составители Конвенции исходят из того, что момент получения товара покупателем С совпадает с моментом получения товара во владение покупателем Б. Обосновывается это тем, что в соответствии со ст. 1 Конвенции покупателем считается не только собственно сторона договора, но и его «правопреемники и цессионарии» («successors to and assigns of their rights»). Соответственно, поступление товара во владение С считается одновременно фактическим поступлением товара во владение Б.

Как итог, понятие действительного поступления товара во владение покупателя превращается из явления фактического порядка в явление не менее юридическое, чем передача товара. Происходит попросту умножение сущностей без какой-либо видимой надобности в том.

⁴¹ Белов В. А. Договор коммерческой (торговой) купли-продажи // Коммерческое право. Научно-практический журнал. — 2016. — № 1. С. 19; Schwenger, I., P. Hachem, and C. Kee. Op.cit. Paras. 29.02 – 29.04.

⁴² Shivbir, S. Grewal. Risk of Loss in Goods Sold during Transit: A Comparative Study of the U.N. Convention on Contracts for the International Sale of Goods, the U.C.C., and the British Sale of Goods Act, 14 Loy. L.A. Int'l & Comp. L. Rev. 93 (1991).P. 95.

⁴³ United Nations Conference on Prescription (Limitation) in the International Sale of Goods, New York; 20 May – 14 June 1974. A/CONF.63/16.Official Records (United Nations publication, Sales No. E.74.V.8). P. 186.

⁴⁴ Ibid. P. 20.

- в-третьих, составителям Конвенции об исковой давности пришлось именно из-за привязки момента начала течения срока исковой давности к фактическому поступлению товара во владение покупателя дополнить статью 10 Конвенции указанием на альтернативную точку отсчета – с момента *отказа покупателем в принятии товара*. В подобном усложнении не было бы никакой надобности, если бы привязка начала течения срока была осуществлена по отношению к передаче товара: в таком случае утратило бы значение то, был ли покупателем фактически принят товар или нет.

- в-четвертых, подобным правилом вносится дисбаланс в систему распределения рисков. Предположим, заключен договор купли-продажи товара, предусматривающий его перевозку и подпадающий под п. «а» ст. 31 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее - Венская конвенция), где устанавливается, что в подобном случае продавец считается исполнившим свою обязанность по передаче товара в момент его сдачи первому перевозчику. Этой нормой Венская конвенция слагает с продавца риски, связанные с местонахождением покупателя и необходимостью перемещения товара: если иное прямо не оговорено в соглашении, все, что происходит с товаром после момента передачи – сфера рисков покупателя. Было бы поэтому несправедливо (и, к тому же, шло бы вразрез с нормами самой Венской конвенции) возлагать в вопросе начала течения срока исковой давности на продавца, исполнившего свое обязательство, негативные последствия задержки в фактическом поступлении товара во владение покупателя⁴⁵.

Весьма удачным является пример, приведенный в докладе П. Каленски: как быть, «если товар не отвечает условиям договора и покупатель не отказывается от его принятия, но с принятием (напр., от экспедитора) медлит, хотя от него потребовали принятия»⁴⁶? Строгое следование подходу Конвенции

⁴⁵ *United Nations Conference on Contracts for International Sale of Goods, Vienna, 10 March - 11 April 1980. A/CONF.97/19. Official Records (United Nations publication, Sales No. E.81.IV.3). P. 349.*

⁴⁶ Материалы семинара по Конвенции об исковой давности и Конвенции о договоре международной купли-продажи товаров, разработанные в рамках Комиссии ООН по праву международной торговли. М., 1983. С. 34 – 35.

об исковой давности (отсчет срока с момента фактического поступления товара во владение покупателя) создает несправедливость по отношению к продавцу, от которой свободна привязка начала течения исковой давности к моменту передачи товара: он наступил бы в момент предоставления товара в распоряжение покупателя (а то и раньше).

- в-пятых, регулирование исковой давности в отношениях между коммерсантами должно стремиться к обеспечению наивысшей степени определенности и ясности для самих участников оборота. Если момент, когда товар считается переданным, который в большинстве случаев прямо согласовывается сторонами (в том числе посредством терминов Инкотермс - Международных правил толкования торговых терминов), прекрасно известен обеим сторонами, то момент фактического получения товара покупателем теоретически известен только последнему. Однако, как справедливо было замечено представителем шведской делегации на Конференции ООН во время обсуждения проекта Конвенции об исковой давности, для торгового оборота вполне привычны и такие случаи, когда о моменте фактического получения товара неизвестно даже самому покупателю (например, покупателю-посреднику в рамках транзитной купли-продажи, перепродавшему товар в пути)⁴⁷.

3.3. Особенности применения объективного подхода по договорам транзитной купли-продажи

С какого же момента следует отсчитывать исковую давность в рамках предложенного нами подхода (момент передачи товара) по требованиям из недостатков товара в ситуации, когда продавец никаких фактических действий в отношении товара в принципе не совершает: не сдает его перевозчику, не доставляет его в определенное место, не готовит товар к передаче в месте нахождения этого товара?

⁴⁷ *United Nations Conference on Contracts for International Sale of Goods, Vienna, 10 March - 11 April 1980. A/CONF.97/19. Official Records (United Nations publication, Sales No. E.81.IV.3). P. 349.*

Подобная ситуация часто имеет место в рамках коммерческой купли-продажи товаров, например, когда продаются товары в пути. А заключил договор купли-продажи товара с Б и сдал его перевозчику. Б, не дожидаясь прибытия товара, перепродал его С, сделав последнего грузополучателем. С какого момента считается исполненной обязанность Б по передаче товара С?

В соответствии с разъяснениями составителей Венской конвенции⁴⁸ к случаям транзитной купли-продажи товаров применяется п. «b» ст. 31. Это означает, что перевозка товара договором не предполагается, а передача его будет считаться осуществленной в момент предоставления товаров в распоряжение покупателя в месте, где они находились на дату заключения договора. Подобное решение не может не вызывать недоумения, поскольку место нахождения товара в пути меняется.

Поэтому в комментарии к Венской конвенции под редакцией Schlechtriem'a и Schwenger'a предложен иной (спорный, по признанию самих комментаторов) взгляд, поддерживаемый рядом немецких исследователей: ст. 31 Венской конвенции применению не подлежит вовсе, поскольку сторонами в случае транзитной купли-продажи товаров согласован момент, с которого обязанность продавца по передаче товара будет считаться исполненной (то есть нет надобности восполнять условия договора диспозитивными правилами ст. 31 Венской конвенции)⁴⁹. Таковым сочли момент предоставления товара в распоряжение покупателя, то есть предоставления покупателю правовой возможности завладения товаром в месте назначения. Такая возможность возникает у покупателя с момента передачи коносамента либо, если отношения не опосредованы товарораспорядительными бумагами, простой переадресовки груза⁵⁰. Стало быть, именно с этого момента надлежало бы отсчитывать срок исковой давности по требованиям из недостатков товара.

⁴⁸ *United Nations Conference on Contracts for International Sale of Goods, Vienna, 10 March - 11 April 1980. A/CONF.97/19. Official Records (United Nations publication, Sales No. E.81.IV.3). P. 29.*

⁴⁹ *Slechtriem, P., Schwenger, I. Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG). 4th ed. / Edited by I. Schwenger. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 525, 534.*

⁵⁰ *Slechtriem, P., Schwenger, I. Op.cit. P. 544 – 545.*

Главная претензия к только что описанному взгляду состоит в том, что сам по себе транзитный характер купли-продажи товаров не означает того, что стороны непременно согласовали в договоре момент, когда обязательство по передаче товара считается исполненным. По этой причине практике все же придется столкнуться с ситуацией, когда необходимо будет применить одно из трех диспозитивных правил ст. 31 Венской конвенции.

Мы считаем, что надлежит исходить из следующего: п. «а» в отличие от п.п. «b» и «с» ст. 31 Венской конвенции относится к договорам купли-продажи, предполагающим перевозку товара. Можно ли отнести к этой категории договор купли-продажи товара, уже находящегося в пути, то есть не предусматривающего возможности продавца сдать товар перевозчику?

Для ответа на вопрос нужно учесть смысл (причину, мотив) выделения категории договоров купли-продажи товаров с перевозкой. На наш взгляд, состоит он в том, что указанное покупателем место доставки товара и вызванная этим местом потребность в перевозке товара – экономический интерес (и оттого проблема, если не оговорено иное) *лишь самого покупателя*. Именно поэтому, даже если на продавца возложена обязанность по доставке товара покупателю, Венская конвенция исходит из того, что, по общему правилу, продавец свободен от каких-либо требований со стороны покупателя, если товар надлежащего качества и количества уже сдан в перевозку.

Полагаю, что ровно те же соображения применимы и к транзитной купле-продаже: именно покупатель товара, находящегося в пути, перенимает с момента заключения договора экономический интерес в перевозке товара в указанное в договоре место. Соответственно, на него следует возложить бремя этого интереса, риски, связанные с ним. Эта логика находит подтверждение в ст. 68 Венской конвенции, устанавливающей, что риск гибели и повреждения товара переходит на транзитного покупателя с момента заключения договора. Отсюда выводы:

1) транзитная купля-продажа должна рассматриваться как договор, предполагающий перевозку (п. «а» ст. 31 Венской конвенции);

2) если иное прямо не согласовано сторонами, обязанность транзитного продавца по передаче товара не может считаться исполненной в момент предоставления товара в распоряжение покупателя в пункте его назначения. Момент исполнения этой обязанности должен наступать раньше. Когда?

Ответ на вопрос, на наш взгляд, выводится из упомянутого п. «а» ст. 31 Венской конвенции. Продавец по договору, предполагающему перевозку, считается исполнившим с момента сдачи товара перевозчику, то есть **с момента создания им условий, достаточных для того, чтобы покупатель при нормальном ходе событий получил купленный товар.** В рамках транзитной купли-продажи таким моментом является наделение покупателя правами получателя груза (не имеет значения, использованы ли были для этого товарораспорядительные бумаги или же осуществлена простая переадресовка). Полагаем, что в соответствии с Венской конвенцией именно передача прав грузополучателя покупателю должна считаться моментом исполнения продавцом обязательства по передаче вещи.

Если же рассматривать тот же вопрос с точки зрения российского права, во многом перенявшем правила Венской конвенции, то ответ, на наш взгляд, получится тем же за исключением ситуации, когда договором предусмотрена обязанность продавца по доставке товара: моментом передачи в силу прямого указания закона будет вручение товара покупателю (п. 1 ст. 458 ГК РФ).

3.4. Необходимость учета явного или скрытого характера недостатков

Рассматривая проблему исковой давности по требованиям из недостатков товара, следует задаться также вопросом о том, имеет ли здесь какое-либо правовое значение явный или скрытый характер недостатков? Проект

Конвенции об исковой давности (ст. 10) исходил из того, что различия между ними должны быть учтены: так, исковая давность по требованиям из явных недостатков составляла 2 года с момента фактической передачи товара, тогда как по требованиям из скрытых недостатков – 2 года с момента, когда недостаток должен был быть обнаружен. Различные подходы к регулированию исковой давности по явным и скрытым недостатком использовались и в советское время⁵¹.

Имеет ли подобная дифференциация под собой основания? Полагаем, что коммерческому обороту даже на фоне оборота предпринимательского в этом вопросе присущи особенности, которые различным режим для указанных двух видов недостатков отвергают. Дело в следующем: отличие явных недостатков от скрытых состоит в их обнаружимости на момент приемки товара **обычным способом** (п. 3 ст. 720 ГК РФ). Обычным же способом приемки товара для коммерсанта, который в большинстве случаев товара вовсе не увидит, является приемка его по сопроводительной документации. Это означает, что для коммерсанта фактически всякий явный недостаток превращается в скрытый. Подобная жизненная специфика торговой деятельности, на наш взгляд, не может оставаться без внимания.

⁵¹ *Дмитриев А.Г.* Ответственность поставщика за качество и исковая давность // Советское государство и право. М.; Наука, 1967. - № 7. С. 59 – 60.

Глава 4. Исковая давность и добровольные примирительные процедуры

4.1. Потребность коммерсантов в реагировании давности на внесудебные процедуры

Быстрота и интенсивность торговой деятельности обуславливают необходимость в том, чтобы и споры, возникающие между коммерсантами разрешались предельно быстро. Описывая развитие института ярмарочных судов как одного из истоков обособившегося в дальнейшем торгового процесса, Г.Ф. Шершеневич писал, что дело в таком суде «должно было окончиться скорее, чем слетала пыль с сапогов, в которых пришел купец»⁵². По этой причине обращение в арбитражный суд как средство разрешения возникшего спора должно использоваться лишь при исчерпании иных способов урегулирования разногласий: главными его недостатками являются медлительность, подробная и жесткая процессуальная регламентация, финансовая обременительность.

Очевидно, законодательство должно стремиться побуждать стороны возникающих споров (в первую очередь, коммерческих) пользоваться внесудебными примирительными процедурами. Особого внимания в этом вопросе со стороны законодателя требует институт исковой давности. Так, поправки в ст. 202 ГК РФ в 2013 г.⁵³ в пояснительной записке к проекту Федерального закона N 47538-6 были напрямую обоснованы необходимостью «стимулирования мирного урегулирования сторонами споров»⁵⁴. Суть внесенных поправок будет изложена ниже.

⁵² Шершеневич, Г. Ф. Курс торгового права в 4 т. Том 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс — М.: Издательство Юрайт, 2018. — Серия: Антология мысли. С. 6 – 7.

⁵³ Федеральный закон от 07.05.2013 N 100-ФЗ "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" (с изм. от 15.02.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁴ Пояснительная записка к проекту Федерального закона N 47538-6 "О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

Сейчас же сконцентрируемся на вопросе о том, каким образом должна быть урегулирована исковая давность для того, чтобы обладать способностью стимулировать к применению внесудебных процедур. Здесь необходимо понять, что целям побуждения к использованию примирительных процедур противоречит сама по себе идея исковой давности: перспектива утраты в течение определенного (порой весьма непродолжительного) периода времени средств принудительного воздействия на должника лишает управомоченное лицо всякого желания тратить это время на внесудебное урегулирование спора. По этой причине регулирование исковой давности должно, скорее, не стимулировать стороны к использованию внесудебных процедур, а стараться **не отпугивать** стороны от их применения.

Достигается этот результат в различных правопорядках с помощью отличающихся по юридической конструкции механизмов (см. ниже), которые в конечном итоге сводятся к одному: исковая давность *прекращает свое нормальное течение* в период обращения сторон к внесудебным процедурам. У нас в законодательстве подобный механизм также реализован в упомянутом выше п. 3 ст. 202 ГК РФ: в случае обращения сторон к предусмотренной законом процедуре разрешения спора во внесудебном порядке (процедура медиации, посредничество, административная процедура и т.п.), течение срока исковой давности приостанавливается на срок, установленный законом для проведения такой процедуры, а при отсутствии такого срока - на шесть месяцев.

Формулировка «предусмотренной законом» получила несколько более узкое толкование в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 N 43, где сказано, что действие нормы п. 3 ст. 202 ГК РФ распространяется на случаи, когда стороны вступают в те внесудебные процедуры, «обращение к которым предусмотрено законом». Этим охватывается два вида случаев: когда закон напрямую позволяет обратиться к

примирительным процедурам⁵⁵ и когда закон непосредственно обязывает стороны конкретные процедуры применить⁵⁶.

Главным недостатком подобного подхода является его строгая привязка к закону. Дело в том, что, во-первых, коммерческий оборот всегда выступал «пионером новых идей»⁵⁷ и потому перечень способов внесудебного урегулирования споров постоянно пополняется, тогда как подвести их под существующие в законе модели примирительных процедур удастся далеко не всегда (например, консультации, мини-судебное разбирательство, посредничество-арбитраж, частный судебный арбитраж, ускоренный арбитраж, примирительные процедуры, согласительные процедуры, добрые услуги, заключение эксперта, независимая оценка вопросов права или фактов, предварительная независимая оценка обстоятельств дела⁵⁸).

Во-вторых, нормой п. 3 ст. 202 ГК РФ совершенно оставлена без внимания такая форма примирительных процедур, как **переговоры** о спорном правоотношении. Этот способ имеет колоссальное значение как за рубежом, так и в России, где заключение практически каждого коммерческого и иного предпринимательского договора сопровождается оговоркой «все споры и разногласия, возникающие между Сторонами по настоящему договору или в связи с ним, разрешаются Сторонами путем переговоров». И только при условии, что переговоры не дали положительного результата, применяются иные способы урегулирования споров.

4.2. Особенности реагирования давности на переговоры в коммерческом обороте

В России на период проведения переговоров давность свое течение не приостанавливает, поскольку в гражданском законодательстве переговоры не

⁵⁵ См. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁶ См. примеры в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 N 43 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁷ Каминка А.И. Указ. соч. С. 70.

⁵⁸ Коровяковский Д.Г. О некоторых альтернативных способах разрешения споров (ADR) государств, входящих в ВТО (на примере США, Австралии, Франции, Германии, Великобритании, Российской Федерации). Российский судья. 2014. N 11. С. 16 - 17.

обозначены в качестве процедуры, к которой стороны спора вправе или обязаны обратиться. Между тем переговорам в наиболее развитых правовых порядках придается значение настолько большое, что нормы об исковой давности часто включают в себя положение, посвященное исключительно этому способу урегулирования споров.

Объясняется это (помимо сказанного выше о стимулировании к применению внесудебных процедур) следующими соображениями: институт исковой давности практически во всяком правовом порядке предусматривает тот или иной набор способов воспрепятствования нормальному течению исковой давности (приостановление, отсрочка, перерыв, нетечение и т.п.), увязываемых с обстоятельствами, в которых управомоченное лицо имеет достаточные основания оттягивать момент вчинения иска (либо потому, что не могло знать о наличии у него требования, либо оттого, что объективно не имело возможности обратиться в суд за защитой права, либо по иным причинам).

Втягивая управомоченное лицо в переговоры о спорном правоотношении, должник *побуждает его отказаться от идеи немедленного вчинения иска*, вследствие чего вступало бы в противоречие с принципами добросовестности и честной деловой практики игнорирование этого обстоятельства и предоставление должнику возможности беспрепятственно воспользоваться возражением⁵⁹. По этой причине даже в тех правовых порядках, где на случай проведения переговоров специального регулирования вопросов давности не предусмотрено, суды отказывают должнику в применении возражения о давности, пользуясь институтами недобросовестности, злоупотребления правом, отказа от права (*waiver*), запрета противоречивого поведения (*estoppel*), признания долга⁶⁰. Этот ряд мог бы быть продолжен предоставлением суду возможности продлить исковую давность всякий раз, когда суд считает

⁵⁹ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full Edition / Ed. by C. von Bar, E. Clive, et al. 2009. P. 1202 (URL: http://www.transformacje.pl/wp-content/uploads/2012/12/european-private-law_en.pdf).

⁶⁰ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full Edition / Ed. by C. von Bar, E. Clive, et al. 2009. P. 1203 (URL: http://www.transformacje.pl/wp-content/uploads/2012/12/european-private-law_en.pdf).

причины пропуска основательными, а не только когда речь идет о гражданине и о причинах связанных с его личностью (именно такое широкое судебское усмотрение имело место в советскую эпоху⁶¹).

Сконцентрируемся на вопросе о том, какая из известных современным правопорядкам моделей учета переговоров в рамках исковой давности является наиболее приемлемой для регулирования коммерческих отношений. Речь будет идти лишь о европейских правопорядках, поэтому обратим внимание на реализованные в них две базовые модели реагирования на переговоры:

1) **Приостановление течения срока** (suspension, Hemmung). Суть механизма этого института до боли знакома всякому российскому юристу (при том, что, как будет показано ниже, реалий «российского приостановления» это всеобщее понимание не отражает): срок исковой давности приостанавливает свое течение на период существования обстоятельств, ставших основанием для приостановления, и продолжает свое нормальное течение с точки приостановления в момент прекращения существования. Этот механизм применительно к переговорам предусмотрен ст. 203 ГГУ, однако не представлен в ней в чистом виде и осложнен одним практическим элементом, отклоняющимся от общего правила: установлен минимальный период времени в три месяца, предоставляемый управомоченному лицу на случай, если после прекращения переговоров остается менее 3 месяцев для предъявления иска.

2) **Отсрочка истечения срока** (postponement, Ablaufhemmung). Этот институт по распространенной формулировке не приостанавливает течение давности, а попросту *отодвигает момент истечения* срока давности⁶². Так, согласно ст. III. – 7:304 DCFR (аналогичной ст. 14:304 PECL и ст. 182 CESL) срок исковой давности не истекает ранее одного года с момента последнего взаимодействия сторон в рамках процедуры переговоров.

⁶¹ *Агарков М.М.* Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1: Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права. – М.: Статут, 2012. С. 252.

⁶² Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full Edition / Ed. by C. von Bar, E. Clive, et al. 2009. P. 1185 (URL: http://www.transformacje.pl/wp-content/uploads/2012/12/european-private-law_en.pdf).

Подобные иносказательные описания юридических механизмов дают ограниченное представление о практических их свойствах, а потому попытаемся сравнить их со строго формальной точки зрения. В сухом остатке каждый из этих механизмов представляет способ компенсации управомоченному лицу упущенного в связи с проведением переговоров времени на предъявление иска, причем:

- приостановление ставит перед собой цель компенсировать управомоченному лицу к моменту прекращения переговоров времени **столько, сколько нужно для того, чтобы поставить его в положение, в котором оно находилось на момент начала переговоров;**

- отсрочка же подобной цели перед собой в принципе не ставит: к моменту прекращения переговоров управомоченному лицу компенсируется **строго определенный период времени** вне зависимости от того, сколько времени оставалось *на момент начала переговоров*. А поскольку подобный механизм может служить только целям расширения срока давности, то он применяется лишь в ситуации, когда компенсируемый отсрочкой фиксированный период больше, чем оставшийся у управомоченного лица после переговоров остаток срока исковой давности.

Иллюстрация 1: Спустя **год** после просрочки исполнения обязательства кредитор вступил с должником в переговоры, продлившиеся **полгода**. Срок исковой давности составляет **три** года. При приостановлении течения давности после прекращения переговоров кредитору будет предоставлено **два** года исковой давности (именно столько оставалось в момент начала переговоров). При отсрочке истечения давности (если исходить из годового фиксированного компенсируемого периода) кредитору будут предоставлены **полтора** года (поскольку у кредитора и без какого-либо реагирования правопорядка на переговоры остается этот срок в полтора года после их окончания, то есть **не компенсируется ничего**).

Иллюстрация 2: Переговоры в той же ситуации (Иллюстрация 1) начались спустя **два** года после нарушения и продлились полгода. У кредитора по окончании переговоров остается всего полгода, то есть меньше, чем компенсируемый фиксированный период - только в такой ситуации институт отсрочки вступает в действие.

Вышесказанное, на наш взгляд, дает достаточный материал хотя бы для неких общих выводов о том, какой из механизмов законодательного реагирования на переговоры является более удачным для коммерческого оборота. В предыдущих главах настоящей работы нами было продемонстрировано тяготение торговых правоотношений к объективному началу исковой давности и в том числе к сокращению сроков исковой давности. Если институт приостановления течения давности в чистом виде представляет собой наиболее последовательное проведение в жизнь субъективного начала исковой давности (компенсируется весь отрезок срока исковой давности, в течение которого у управомоченного лица *не было возможности реализовать право на иск*), то механизм отсрочки истечения **принимает во внимание интересы оборота** и потому не дает управомоченному лицу времени больше, чем минимальный, по мнению законодателя, срок, в течение которого возможно по окончании переговоров собраться с мыслями и предпринять все действия для начала судебного разбирательства.

Приблизим теперь обсуждение вопроса к отечественному правопорядку. Российское гражданское законодательство из двух вышеописанных понятий оперирует только одним – приостановление. Означает ли это, что российскому праву не известен институт отсрочки истечения срока давности? Полагаем, что обнаружить его можно, однако в юридически несколько усложненной форме.

Во-первых, в соответствии с п. 1 и п. 2 ст. 202 ГК РФ при наличии, к примеру, обстоятельств непреодолимой силы, приостановление происходит, только если обстоятельства эти существуют в последние 6 месяцев срока

исковой давности. Законодатель тем самым **ограничивает до 6 месяцев тот срок исковой давности**, который будет истцу компенсирован: на момент начала приостановления у истца не может быть в запасе больше, чем 6 месяцев исковой давности. А с учетом правила п. 4 ст. 202 компенсируемый срок исковой давности **не может быть менее 6 месяцев**, по общему правилу. Складываем этот минимум с указанным максимумом и получаем **фиксированный 6-месячный срок компенсируемой исковой давности**. В этом несомненное сходство с институтом отсрочки истечения.

Во-вторых, если и без какого-либо реагирования правопорядка на обстоятельства непреодолимой силы у управомоченного лица останется больше 6 месяцев срока давности, то **механизм ст. 202 вовсе не вступает в действие** - сходство № 2.

Таким образом, в п.п. 1, 2 и 4 ст. 202 ГК РФ реализован непростой для восприятия механизм, который дает ровно тот же эффект, что дало бы правило о 6-месячной отсрочке истечения срока исковой давности при обстоятельствах непреодолимой силы («срок исковой давности истекает не ранее, чем через 6 месяцев после прекращения существования обстоятельств непреодолимой силы»).

Иллюстрация 3. Спустя **год** после начала течения **трехлетней** исковой давности наступили обстоятельства непреодолимой силы, продлившиеся **1 год и 8 месяцев**. Российский институт приостановления после прекращения обстоятельств непреодолимой силы предоставляет **6 месяцев** исковой давности. Институт отсрочки истечения давности (при 6-месячном фиксированном компенсируемом сроке) также предоставляет **6 месяцев**.

Между тем отечественный функциональный аналог отсрочки истечения в ст. 202 ГК РФ сосуществует с механизмом приостановления в общепринятом смысле. Речь идет о п. 3, на который не распространяется п. 1 ст. 202 (требующий существования оснований для приостановления в последние 6 месяцев). Этот пункт, как было уже нами ранее отмечено, посвящен

внесудебным процедурам, и конструкция приостановления здесь абсолютно аналогична немецкой: классическое приостановление, осложненное минимальным компенсируемым сроком исковой давности.

С учетом того, что нами было сказано выше относительно большей приспособленности отсрочки истечения давности к потребностям коммерческого оборота по сравнению с приостановлением, представляется наиболее удачным решением внести переговоры в п. 1 ст. 202 в качестве одного из оснований.

Надлежит в заключение отметить особенность российского правопорядка в регулировании исковой давности в процессе внесудебных процедур урегулирования споров. К категории последних в качестве едва ли не самой главной разновидности относят разбирательство в третейском суде (арбитраже). Между тем правило п. 3 ст. 202 ГК РФ на третейский суд не распространяется. Дело в том, что в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 N 43 было дано расширенное толкование формулировки «обращение в суд» в ст. 204 ГК РФ: таковым сочли не только обращение в государственный суд, но и в суд третейский, вследствие чего к третейскому разбирательству подлежит применению институт «нетечения» срока исковой давности, закрепленный в ст. 204.

Глава 5. Соглашения об исковой давности

5.1. Основные аргументы в пользу ограничения свободы договора

Несмотря на сохранение в современности правопорядков, принципиально стоящих на недопустимости модификации сторонами исковой давности (к числу которых относится и российский), институт соглашений об исковой давности можно считать международным трендом последних десятилетий в развитии гражданского права за рубежом⁶³.

Обсуждение вопроса о потребности российского права в ослаблении императивного режима правил об исковой давности на страницах современной научной литературы уже не раз приводило к выводу о необходимости и полезности такой возможности, по крайней мере, для предпринимателей в отношениях между собой⁶⁴. В настоящей главе мы предпримем попытку оценить аргументы в пользу подобного решения с точки зрения особенностей и потребностей значительной составляющей предпринимательского оборота – оборота коммерческого.

Сперва необходимо разобраться с причинами, с которыми обычно связывают полное устранение договорной свободы применительно к вопросам исковой давности. Таковых (на основе изучения литературы, официальных комментариев и редакционных материалов) нам удалось выявить три:

- 1) исковая давность – институт, в котором есть **публичный интерес**⁶⁵;

⁶³ *Bonell M.J.* Limitation Periods. Chapter 31 // *Towards a European Civil Code*. 4th ed., revised and expanded. The Hague, 2010. P. 718.

⁶⁴ *Савин К.Г.* Соглашения об исковой давности // *Вестник гражданского права*. 2017. N 6. С. 104; *Ерохова М.А., Сарбаши С.В.* Изменение сроков исковой давности по соглашению сторон // *О договорах: Сборник статей к юбилею В.В. Витрянского*. М.: Статут, 2017. С. 91.

⁶⁵ *Виндшейд Б.* Учебник пандектного права: В 2 т. Т. 1: Общая часть / Пер. с нем.; Под ред. С.В. Пахмана. СПб.: Изд. А. Гиероглифова и И. Никифорова, 1874. С. 265; *Ерохова М.А., Сарбаши С.В.* Указ. соч. С. 89; *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. 1. М.: Статут, 2005 (по изд. 1914 г.). С. 231; *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full Edition / Ed. by C. von Bar, E. Clive, et al.* 2009. P. 1229 (URL: http://www.transformacje.pl/wp-content/uploads/2012/12/european-private-law_en.pdf); *Zimmermann, R.* Op.cit. P. 163 – 164.

2) экономически более сильная сторона отношений будет навязывать слабой невыгодный режим исковой давности, злоупотребляя договорной свободой⁶⁶;

3) возможностью влиять на исковую давность вымывается ее способность обеспечивать **определенность** правоотношений⁶⁷.

Первое объяснение, к которому принято отсылать чаще всего, примечательно, в первую очередь, тем, что очень трудно ему что-либо противопоставить. Однако отнюдь не потому, что оно расставляет все точки над «и» пленяющей простотой идеи. Дело в том, что отсылка к понятию публичного интереса, в сущности, объяснением причин запрета соглашений не является. Она попросту констатирует самоочевидное: раз уж законодатель столь решительно выжигает свободу договора применительно к вопросам давности, то, естественно, этим он выражает свою (публичную, стало быть) заинтересованность в таком подходе (не поспоришь).

Действительная задача исследований о запрете прямого договорного влияния на исковую давность состоит в выяснении того, что именно составляет пресловутый публичный интерес. Именно на этот вопрос отвечают второе и третье объяснение. Перед их непосредственным изучением уясним важный исходный момент, касающийся «публичности» в исковой давности: некоторые исследователи обнаруживают ее в «процессуальном значении данного института»⁶⁸.

По этому поводу надлежит сразу произвести разграничение между собственно процессуальными отношениями и отношениями материальными, предопределяющими разрешение спора определенным образом. Сроки, с

⁶⁶ Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Т. I. Полутом 2: Введение и общая часть: Пер. с 13-го нем. изд. 1931 г. М.: Иностран. лит., 1950. С. 406 – 407; *Scottish Law Commission. Report on Prescription No 247. Edinburgh, Jul 2017. Para. 5.21; United Nations Conference on Prescription (Limitation) in the International Sale of Goods, New York; 20 May – 14 June 1974. A/CONF.63/16.Official Records (United Nations publication, Sales No. E.74.V.8). P. 27, 219 – 220.*

⁶⁷ Савин К.Г. Указ. соч. С. 103; *Scottish Law Commission. Report on Prescription No 247. Edinburgh, Jul 2017. Para. 5.13.*

⁶⁸ Беджаши Л.К. Институт исковой давности в механизме принудительной защиты субъективных гражданских прав: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 10.

упущением которых утрачиваются права из процессуальных отношений, являются процессуальными (например, право на апелляционное обжалование). Исковая давность к таковым не относится, поскольку ею не ограничивается процессуальное право на предъявление иска, реализуемое посредством принятия иска к рассмотрению (п. 1 ст. 199 ГК РФ). Исковой давностью ограничивается только право на иск, что влечет за собой принятие судом решения об отказе в удовлетворении заявленных требований. Дело обстояло абсолютно аналогичным образом и в советскую эпоху, несмотря на то, что последствия истечения срока давности применялись судом по собственной инициативе⁶⁹.

Вполне объяснимо, почему процессуальные сроки носят императивный характер: строгие универсальные для всех процессуальные правила необходимы для того, чтобы организовать рассмотрение дел максимально экономным образом как с точки зрения времени, так и с точки зрения материальных затрат. В этом прослеживается явный публичный интерес, удовлетворение которого было бы практически невозможно, если бы стороны были вправе навязывать суду свои процедурные правила.

Однако исковая давность, как было нами показано, относится к числу материально-правовых предпосылок разрешения спора тем или иным образом. Влиять на эти предпосылки стороны вольны самыми разнообразными способами: стороны могут создавать свои материальные правоотношения, изменять их и прекращать в пределах общих ограничений договорной свободы. По этой причине не следует подмешивать к исковой давности публичный характер правового регулирования гражданского и арбитражного процесса.

5.2. Проблема злоупотребления свободой договора в коммерческом обороте

⁶⁹ *Агарков М.М.* Указ. соч. С. 247.

С точки зрения второго объяснения (экономически более сильная сторона отношений будет навязывать слабой невыгодный режим исковой давности) законодатель, устанавливая запрет заключения соглашений об исковой давности, принимает на себя роль покровителя, заботливо опекающего интересы участников оборота от рисков возможных негативных последствий вступления в указанные соглашения.

Встает вопрос: все ли участники имущественного оборота нуждаются в столь тотальном покровительстве? Исследователи, как уже было ранее отмечено, сходятся в том, что в отношениях между предпринимателями было бы уместно несколько приоткрыть дверцы свободы договора применительно к вопросам исковой давности. Связано это с тем, что предпринимательский оборот рассматривается в доктрине как поле свободной и равноправной экономической борьбы, в рамках которой «недопустимо прибегать к различным юридическим способам защиты, рассчитанным на поддержку слабости, неопытности, легкомыслия»⁷⁰. Именно эти соображения приводятся в официальном комментарии к ст. 10.3 РИСС, рассчитанных на регулирование коммерческих отношений, в обоснование дозволения соглашений об исковой давности⁷¹. И этим же объясняется существование в нашем гражданском законодательстве многочисленных норм, несколько расширяющих свободу договора в отношениях «b2b» (business-to-business) по сравнению со сделками с участием граждан⁷².

Описанную в предыдущем абзаце логику можно проследить и в ряде правопорядков, где институт соглашений об изменении исковой давности не распространяется на отношения с потребителем (ст. L137-1 Французского

⁷⁰ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. В 4 т. Том I. Введение. Торговые деятели. - М.: Издательство Юрайт, 2016. – Серия: Антология мысли. С. 29 – 31.

⁷¹ Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / Пер. с англ. А.С. Комарова. – М.: Статут, 2013. С. 363.

⁷² Ст.ст. 184, 188.1, 310, 317.1, 333, 339, 350.1, 356, 361, 391 ГК РФ и др. // СПС «КонсультантПлюс».

потребительского кодекса⁷³, ст. 22 Закона Онтарио об исковой давности⁷⁴, Статья 2524 Гражданского кодекса Румынии⁷⁵).

Все сказанное, естественно, напрямую применимо к коммерческой деятельности как к частному проявлению предпринимательства. Проблема, однако, в том, что в контексте особенностей коммерческого оборота описанная черта правового регулирования предпринимательской деятельности незаметно превращается в довольно убедительный аргумент **против допущения соглашений об исковой давности между коммерсантами.**

Изложить наши рассуждения полагаем целесообразным применительно к конкретному примеру. Российский торговый оборот включает в себя имеющий огромное значение для экономики страны круг отношений, регулирование договорной свободы в рамках которого имеет довольно глубокую специфику. Речь об отношениях между поставщиками продовольственных товаров и торговыми сетями, регулированию которых посвящен Федеральный закон от 28.12.2009 N 381-ФЗ "Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации" (далее - Закон о торговле). Свобода договора для указанных категорий коммерсантов, с одной стороны, расширена благодаря принадлежности к числу предпринимателей, с другой – существенным образом сужена по двум основным направлениям:

1) *Свобода определения юридической природы заключаемого договора.* Так, в соответствии с пп. 5 п. 1 ст. 13 Закона о торговле поставщикам и торговым сетям запрещено заключать между собой для осуществления торговой деятельности договор, по которому товар передается для реализации третьему лицу без перехода к такому лицу права собственности на товар, в том числе договор комиссии, договор поручения, агентский договор или

⁷³ URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?idSectionTA=LEGISCTA000019017537&cidTexte=LEGITEXT000006069565&dateTexte=20100604> (Дата обращения: 15.03.2018).

⁷⁴ URL: <https://www.ontario.ca/laws/statute/02124> (Дата обращения: 15.03.2018).

⁷⁵ Савин К.Г. Указ. соч. С. 103.

смешанный договор, содержащий элементы одного или всех указанных договоров;

2) *Свобода определения условий (содержания) заключаемого договора.*

Названным законом предусмотрено несколько запретов на установление в договорах:

- вознаграждения "за объем" и платы за оказание услуг по продвижению товаров свыше 5% от цены приобретенных продовольственных товаров;
- запрета на перемену лиц в обязательстве;
- платы за право поставок продовольственных товаров в функционирующие или открываемые торговые объекты или за изменение ассортимента продовольственных товаров;
- обязанности возмещать расходы в связи с утратой или повреждением продовольственных товаров после перехода права собственности на них, за исключением случаев, когда утрата или повреждение произошли по вине поставщика, а также расходы, не связанные с исполнением договора поставки продовольственных товаров и последующей продажей конкретной партии таких товаров и др.

Перечисленные ограничения свободы договора имеют антимонополистическую направленность и вызваны к жизни тем, что в рамках сложившихся особенностей современного рынка торговые сети являются субъектами, существенно превосходящими поставщиков продовольственных товаров в своей *экономической силе и мощи переговорных позиций*⁷⁶.

Возникает логичный вопрос: а почему бы не оставить возникающие в связи с этим неравенством злоупотребления на разрешение в соответствии с общим гражданско-правовым институтом договора присоединения (ст. 428 ГК

⁷⁶ Коммерческое право : учебник для академического бакалавриата / Под общ. ред. Б. И. Пугинского, В. А. Белова, Е. А. Абросимовой. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2017. С. 273 – 274.

РФ), правила о котором в том числе применяются к ситуациям, когда одной из сторон используется «явное неравенство переговорных возможностей»?

Ответ на этот вопрос и дает описанная нами выше особенность правового регулирования предпринимательской деятельности: считается, что предприниматель является достаточно разумным и опытным, чтобы избежать причинения ему ущерба несправедливыми условиями договоров⁷⁷. Именно поэтому для предпринимателей в отношениях между собой (хотя формальной ст. 428 ГК РФ не делает какой-либо строгой привязки к отношениям с участием граждан) оказываются фактически недоступными упомянутые юридические способы защиты слабости, неопытности и легкомыслия. И именно поэтому профессионализм предпринимателей из общего аргумента в пользу расширения свободы договора (предоставление которой обычно осуществляется с расчетом на дальнейшую корректировку ее реализации посредством в том числе института договора присоединения) превращается в веский аргумент в пользу ее сужения: легче вовсе запретить предпринимателям о чем-то договариваться, нежели впоследствии пытаться бороться со злоупотреблениями неестественными для предпринимателей правовыми средствами.

Именно эта логика, как показывает изучение материалов редакционной комиссии, была положена в основу нормы Конвенции об исковой давности, запрещающей договорную модификацию предусмотренных ею правил. В ходе разработки проекта Конвенции были приняты во внимание опасения ряда развивающихся стран по поводу того, что предоставление сторонам возможности договариваться об исковой давности непременно сделает вопросы исковой давности *частью стандартных форм договоров купли-продажи товаров*. Результатом станет ситуация, при которой экономически слабые страны будут вынуждены для приобретения товаров подписываться одновременно (по принципу «все или ничего») и под договорным

⁷⁷ Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. / Пер. с нем. М.: Международные отношения, 2000. Т. 2. С. 14.

регулированием исковой давности, которым может предусматриваться крайне непродолжительный срок давности по требованиям к продавцу⁷⁸.

Этим объясняется то обстоятельство, что в п. 2 ст. 22 Конвенции об исковой давности предусмотрена возможность одностороннего продления должником срока исковой давности **только после состоявшегося заключения договора** (когда заключение договора уже не зависит от принятия покупателем условий об исковой давности) – на момент заключения договора на давность влиять нельзя. Как видим, и здесь в отношении коммерсантов было принято решение не оставлять проблему на урегулирование в соответствии с общими правилами о несправедливых договорных условиях.

Тезис о неприменимости к коммерческим отношениям общих начал о несправедливых договорных условиях подтверждается положениями одноименного английского закона (Акт о несправедливых договорных условиях 1977 г.⁷⁹), в соответствии со ст. 26 которого контролю на предмет справедливости и разумности *не подлежат условия* (в том числе об ограничении или исключении ответственности) *международных договоров поставки товаров*.

Итак, предоставление коммерсантам права договариваться об исковой давности открывает экономически более сильным субъектам новые возможности по юридическому упрочению своего преимущества в договоре с менее сильными субъектами. Наиболее распространенный в теории аргумент против того, чтобы на основе сказанного сужать договорную свободу сторон, состоящий в том, что на случай подобных злоупотреблений существуют общие механизмы типа договора присоединения⁸⁰, **не срабатывает** применительно к коммерсантам по вышеуказанным причинам. Отпадает возможность

⁷⁸ *United Nations Conference on Prescription (Limitation) in the International Sale of Goods, New York; 20 May – 14 June 1974. A/CONF.63/16.Official Records (United Nations publication, Sales No. E.74.V.8). P. 223.*

⁷⁹ URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1977/50/contents> (Дата обращения: 06.03.2018).

⁸⁰ *Ерохова М.А., Сарбау С.В.* Указ. соч. С. 92; *Law Commission (Eng). Limitation of Actions, Consultation Paper No 151 (1998). Para.14.1; Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full Edition / Ed. by C. von Bar, E. Clive, et al. 2009. P. 1230 (URL: http://www.transformacje.pl/wp-content/uploads/2012/12/european-private-law_en.pdf).*

предоставления сторонам широкой автономии воли в отношении исковой давности с расчетом на корректировку отдельных ситуаций нормами о несправедливых условиях.

Остается два варианта: либо в принципе исключить возможность договорной модификации правил об исковой давности (как это сделано в Конвенции об исковой давности), либо все же предоставить свободу договора в указанном вопросе в том или ином ограниченном объеме, минимизировав прямо пропорциональные риски возникновения злоупотреблений. При выборе между двумя описанными вариантами надлежит учитывать следующее: запретить тот или иной вид соглашений представляется возможным только в том случае, когда очевидно, что им *не обслуживаются какие-либо экономически обоснованные интересы сторон*.

Так, например, выглядит вполне обоснованным запрет на заключение договора дарения в отношениях между коммерческими организациями (пп. 4 п. 1 ст. 575 ГК РФ), поскольку коммерческий (равно как и предпринимательский) оборот насквозь пропитан духом возмездности: «В мире спекуляции и не может быть места для дарственных актов - здесь все предполагается возмездным»⁸¹. Очевидно при таких условиях, что предоставление коммерсантам возможности заключать договор дарения не было бы продиктовано их естественными справедливыми потребностями, а попросту создавало бы механизм для, к примеру, налоговых злоупотреблений.

Перенося изложенные рассуждения на соглашения об исковой давности и учитывая многочисленные аргументы в пользу сокращения исковой давности в коммерческом обороте, которые приведены нами в гл. 2 настоящей работы, можно сказать, что справедливый экономический интерес у коммерсантов возможен только в отношении соглашений, сокращающих срок исковой давности, но не увеличивающих.

⁸¹ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 31 – 32.

Увеличение срока исковой давности – наиболее вероятное злоупотребление, которое могло бы происходить со стороны торговых сетей, заинтересованных в том, чтобы поставщик понес ответственность за всякие недостатки поставленного товара, когда бы о таковых ни было заявлено в суде. Мы исходим из того, что коммерческий оборот не испытывает каких-либо разумных потребностей в том, чтобы иметь возможность продлевать срок исковой давности, **учитывая особенно то обстоятельство, что и нынешним законодательством предоставлен достаточный арсенал правовых механизмов для достижения этой цели**, например, совершение действий по признанию долга, с которыми ст.ст. 203 и 206 ГК РФ связывают новое течение исковой давности.

Соглашения же о сокращении срока исковой давности вызывают в этом отношении гораздо меньше претензий: считается, что такие соглашения не только не вступают в конфликт с целями института исковой давности⁸², но «даже идут навстречу желанию законодателя, удостоверяя, что лицо для осуществления своего права считает достаточным срок меньший, чем установленный в законе»⁸³.

5.3. Проблема обеспечения определенности правоотношений

Читатель заметит, что в ходе рассуждений об объеме договорной свободы, которую возможно предоставить коммерсантам в отношении вопросов исковой давности, нами была затронута лишь проблема продолжительности срока давности. Обсудить возможность допущения соглашений об иных элементах исковой давности полагаем целесообразным в рамках обсуждения третьего объяснения ограничения этих соглашений. Суть его сводится к тому, что предоставление сторонам возможности договариваться об исковой давности лишает этот институт способности обеспечивать

⁸² Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full Edition / Ed. by C. von Bar, E. Clive, et al. 2009. P. 1230 (URL: http://www.transformacje.pl/wp-content/uploads/2012/12/european-private-law_en.pdf); Zimmermann, R. The New German Law of Obligations. Historical and Comparative Perspectives. Oxford, 2005. P. 154 – 155.

⁸³ Проект Гражданского уложения. Кн. 1. Положения общие. М., 2007. С. 188 – 189.

определенность правоотношений, ради которой он в первую очередь существует.

Обоснованность описанной претензии к соглашениям об исковой давности иногда опровергают указанием на то, что в действительности институт исковой давности охраняет лишь интересы должника, поскольку именно в его распоряжении находится вопрос о применении или неприменении последствий истечения исковой давности. Стало быть, именно ему решать, допускать ли в отношении себя увеличение срока исковой давности.

На это следует ответить, во-первых, тем, что последствия исковой давности отнюдь не всегда применяются по заявлению должника (ответчика). Так, например, в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 N 43 "О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности" право сделать заявление о пропуске срока исковой давности может быть предоставлено третьему лицу, если в случае удовлетворения иска к ответчику возможно предъявление ответчиком к третьему лицу регрессного требования или требования о возмещении убытков.

Во-вторых, несмотря на то, что исковая давность является элементом материальных правоотношений сторон, а не процессуальных, необходимо понимать, что судебная защита субъективных прав представляет собой один из ключевых аспектов реализации государством своей монополии на принуждение. По этой причине государство имеет непосредственную заинтересованность, чтобы его суды не выносили неправосудных решений, дискредитируя судебную систему в глазах общества⁸⁴. Объективная же возможность выяснения обстоятельств, необходимых для вынесения законного и справедливого решения, со временем уменьшается.

⁸⁴ *Ерохова М.А., Сарбаи С.В.* Указ. соч. С. 78; *Новицкий И.Б.* Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 149.

Итак, опасения законодателя по поводу того, что предоставление сторонам возможности договариваться по вопросам исковой давности лишит эту самую давность способности обеспечивать определенность правоотношений, как мы выяснили, несомненно заслуживают внимания. Однако являются ли они претензией к институту соглашений об исковой давности в принципе? Иными словами, возможно ли сохранить способность исковой давности обеспечивать определенность правоотношений без тотального запрета на соглашения об одной?

Полагаем, что:

- во-первых, цель достижения определенности правоотношений с высокой вероятностью подрывается в отсутствие жестких ограничений относительно круга элементов исковой давности, по которым возможны какие-либо договоренности. Так, например, ст. III.-7:601 DCFR, ст. 14:601 PECL, ст. 186 CESL исходят из того, что изменение сроков исковой давности является лишь одним из примеров того, как стороны могут влиять на давность соглашением. В ст. 2254 ФГК прямо указывается на то, что стороны вольны согласовывать и дополнительные основания приостановления и перерыва течения срока давности. Напротив, международные своды норм, специализирующиеся на регулировании коммерческих отношений, сводят договорную свободу исключительно к возможности менять срок исковой давности в заданных пределах: ст. 2-725 UCC и ст. 10.3 PICC. Аналогичный подход реализован и в ст. 134 ECC.

Помимо того, что сужение свободы договора в вопросах исковой давности исключительно до регулирования продолжительности ее сроков объективно отвечает потребности коммерческого оборота в устойчивости, оно еще и представляется весьма удачным с точки зрения специфики договорной работы в России. Дело в том, что очень часто договор рассматривается сторонами не как способ ясного выражения и закрепления в действительности достигнутых сторонами в процессе переговоров соглашений, а как минное

поле, где побеждает тот, кто сумел спрятать в витиеватых формулировках наибольшее количество выгодных ему «взрывоопасных» условий. Очевидно, чем больше вопросов исковой давности законодатель предоставит свободному урегулированию сторонами, тем больше сложностей в применении института исковой давности это создаст. Определенность правоотношений, на наш взгляд, с институтом соглашений об изменении исковой давности можно совместить лишь при условии ограничения свободы договора **одной лишь возможностью изменения продолжительности срока.**

- во-вторых, определенности правоотношений, как уже было отмечено выше, способно угрожать лишь такое изменение исковой давности, которое тем или иным способом способствует увеличению фактического периода времени, в течение которого управомоченное лицо может осуществить право на иск (то есть такое изменение, которое ухудшает положение должника). Напротив, соглашения, которые улучшают положение обязанного лица в вопросах исковой давности (в частности, направленные на сокращение срока давности) угрозы для определенности правоотношений в себе не таят.

С учетом всех приведенным в настоящей главе рассуждений следует признать наиболее удачным для коммерческого оборота подход, предложенный в ст. 2-725 УСС:

- изменению подлежит только продолжительность срока исковой давности;
- 4-летний срок исковой давности можно только уменьшить и только до 1 года.

Глава 6. Исковая давность и иные сроки в коммерческом обороте

Исковая давность является отнюдь не единственным выделяемым в законодательстве сроком, имеющим большое значение для вопросов, связанных с нарушениями обязательств по коммерческим договорам. Помимо исковой давности, на наш взгляд, пристального внимания в контексте тематики настоящей работы заслуживают срок обнаружения недостатков товара (1), срок сообщения продавцу о таковых (2) и гарантийный срок (3). Поскольку настоящая работа посвящена именно проблематике исковой давности в коммерческом обороте, рассматриваться перечисленные сроки будут исключительно в рамках вопроса о *соотношении этих сроков с исковой давностью*. Ответ необходим в связи с тем, что и в судебной практике, и в теории гражданского права, что будет показано ниже, иногда допускается их смешение, способное, как предостерегал еще В.П. Грибанов, «повлечь за собой вынесение неправильных решений»⁸⁵.

6.1. Срок обнаружения недостатков товара

Под сроком обнаружения недостатков ст. 477 ГК РФ понимает *срок, обнаружение скрытых недостатков товара в течение которого является обязательным условием предъявления требований, связанных с этими недостатками*. В литературе этот срок был не раз довольно категорично назван

⁸⁵ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001. // URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/1/page_25.html (Дата обращения: 15.03.2018).

«обычным сроком исковой давности»⁸⁶. Убедиться в некорректности подобного утверждения можно, ответив, в первую очередь, на вопрос о том, чему отмерен срок в ст. 477 ГК РФ: речь лишь об *обнаружении* покупателем нарушения своего права по договору купли-продажи, а не о *реализации права на иск*, возникающего на основе такого нарушения.

Несмотря на все внутренние недочеты юридико-технического построения института срока обнаружения недостатков⁸⁷, практическим последствием его

⁸⁶ См. напр., Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / Н.А. Баринов, К.П. Беляев, Е.В. Вавилин и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. Т. 1. // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁷ Главная проблема института срока обнаружения недостатков в российском праве состоит в том, что возможность предъявления покупателем требований из недостатков товара поставлена в зависимость от того, что юридическим фактом быть по определению не может, поскольку обнаружение недостатков по смыслу закона не является неким актом, находящим внешне, не зависящее от сознания лица существование в объективной действительности (о взгляде на юридический факт лишь как на явление, существующее обособленно от сознания людей см., напр.: *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. С. 14). Это означает, что суть законодательного термина «обнаружить» укладывается в рамки лексического значения слова «заметить». Само по себе обнаружение при таком подходе не оставляет каких-либо внешних проявлений, поскольку происходит исключительно на уровне сознания лиц.

Несомненно, факт обнаружения недостатка может подтверждаться посредством представления суду таких косвенных доказательств, как, например, акт комиссии, в котором отражены нарушения требований к качеству (Определение ВАС РФ от 21.10.2008 N 13791/08 по делу N A32-17955/2003-50/450), письмо (претензия, уведомление) в адрес контрагента о выявленных недостатках (Определение ВАС РФ от 18.08.2008 N 10196/08 по делу N A56-14066/2007; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.11.2016 N Ф05-17042/2016 по делу N A40-240326/15; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.11.2016 N Ф05-17022/2016 по делу N A41-9681/2016) и т.п. Однако представление подобных доказательств ни в коей мере не сковывает истца в возможности утверждать, что, несмотря на составление акта, фиксирующего недостатки товара, за пределами срока обнаружения, недостатки были обнаружены им в самый момент их проявления.

Подобный произвол со стороны истца пресекается лишь в ситуации, когда недостатки товара объективно проявились себя за пределами двухлетнего срока обнаружения, ибо нельзя до истечения этого срока обнаружить то, что появилось только после его истечения. Выходит, что вся не самая простая конструкция срока обнаружения недостатков в ст. 477 ГК РФ может быть запросто функционально заменена гораздо более понятным институтом двухлетнего срока **объективного проявления** недостатков. Подобный механизм на сегодняшний день реализован в п. 1 ст. 5 Директивы Европейского Парламента и Совета от 25 мая 1999 г. (99/44/ЕС), где в течение двухлетнего срока недостатки должны быть не обнаружены, а стать очевидными («become apparent»; URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:31999L0044&from=EN> (Дата обращения: 15.03.2018)).

Тот факт, что отечественный институт срока обнаружения недостатков имеет в виду ограничение во времени именно субъективного восприятия, а не объективного проявления недостатков, подтверждается тем, что в соответствии со ст. 477 ГК РФ обнаружение недостатков в первую очередь оценивается судом на разумность, а категория разумности всегда применяется только по отношению к поведению лиц, но никак к объективному процессу проявления недостатков.

Причина существования такого неоднозначного механизма в ГК РФ, вероятно, объясняется неполным заимствованием в него норм советского законодательства. В ст. 48 Основ гражданского законодательства СССР 1962 г. предусматривался применительно к договору поставки срок **установления** недостатков, под которым понимался период времени, в течение которого необходимо было составить в надлежащем порядке акт о скрытых недостатках продукции как необходимое условие дальнейшего предъявления требований из этих недостатков (п. 9 "Инструкции о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по качеству", утв. Постановлением Госарбитража СССР от 25.04.1966 N П-7 (ред. от 23.07.1975, с изм. от 22.10.1997)). При таком раскладе суд имеет дело с получающим внешнее выражение поведением истца, которое возможно оценить на предмет разумности. В современном же законодательстве подобная обязанность документальной фиксации не предусмотрена.

реализации является **пресечение (недопущение появления)** притязаний из недостатков, проявивших себя по истечении срока обнаружения недостатков, тогда как исковая давность всегда течет в отношении уже успевших возникнуть притязаний. Именно в этом смысле срок обнаружения недостатков может быть отнесен к категории пресекательных⁸⁸, которые в литературе традиционно противопоставляются срокам исковой давности⁸⁹.

Срок исковой давности начнет свое течение, только если основание для требования, по которому течет исковая давность, возникло в пределах срока обнаружения недостатков. Соответственно, ничто не препятствует удовлетворению требования из недостатка товара, если таковое было предъявлено за пределами срока обнаружения недостатков, но в течение срока исковой давности. Наоборот, если срок исковой давности по требованию из конкретного недостатка истекает ранее, чем срок обнаружения недостатков, то ничто не препятствует появлению полноценных требований покупателя на основе иных недостатков, обнаруженных в течение срока обнаружения.

Стоит ли говорить о том, что в законе нет никаких указаний, свидетельствовавших бы о возможности применения правил о приостановлении и перерыве течения срока исковой давности к сроку обнаружения недостатков. Более того, в силу прямого указания п. 2 ст. 477 ГК РФ срок обнаружения недостатков поддается договорному регулированию в сторону увеличения по сравнению с основным двухлетним предельным сроком, что прямо противоречит подходу законодателя к регулированию договорной свободы применительно к продолжительности сроков исковой давности (ст. 198 ГК РФ).

6.2. Срок извещения продавца об обнаруженных недостатках

⁸⁸ Белов В.А. Кодекс европейского договорного права - European Contract Code: общий и сравнительно-правовой комментарий: в 2 кн. М.: Юрайт, 2015. Кн. 1. С. 214 - 216.

⁸⁹ Грибанов В.П. Указ. соч. // URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/1/page_26.html#19 (Дата обращения: 15.03.2018); Новицкий И.Б. Указ. соч. 139 – 142.

Сроком извещения продавца об обнаруженных недостатках в соответствии со ст. 483 ГК РФ является *период времени для сообщения продавцу об **обнаруженных** недостатках товара, по упущении которого у продавца возникает возможность отказаться от удовлетворения требований покупателя при условии, что упущение покупателем срока извещения о недостатках «повлекло невозможность удовлетворить его требования или влечет для продавца несоизмеримые расходы по сравнению с теми, которые он понес бы, если бы был своевременно извещен о нарушении договора».*

В отличие от срока обнаружения недостатков срок извещения сам по себе не предполагает существования жестких предельных временных ограничителей (если иное не предусмотрено нормативными правовыми актами или договором), ориентируясь исключительно на понятие разумного срока, отсчитываемого с момента, когда нарушение соответствующего условия договора должно было быть обнаружено исходя из характера и назначения товара.

Эта особенность срока извещения концептуально сближает его со сроком исковой давности, поскольку и в рамках последнего стоит задача, на что было указано нами ранее в гл. 1 настоящей работы, учесть разумность и обоснованность поведения кредитора во времени. Именно по этой причине срок извещения начинает течь так же, как исковая давность, только при наличии нарушения и только с момента, когда такое нарушение должно было быть обнаружено (п. 1 ст. 200 ГК РФ).

Неподдельный интерес вызывает (в контексте соотношения срока извещения и срока исковой давности) и то, как законодатель сформулировал суть правового эффекта, вызываемого к жизни упущением срока извещения: говорится не о том, что покупатель лишается права ссылаться на недостатки, о которых продавец не был своевременно извещен, а о том, что **продавец может отказаться от удовлетворения требований покупателя**. Обратим внимание на то, что ровно теми же словами сформулирован эффект истечения исковой

давности в DCFR (ст. III. – 7:501: «... the debtor is entitled to refuse performance») и PECL (ст. 14:501).

Однако принципиальное различие между этим сроками (помимо, естественно, того, какие действия необходимо предпринять для того, чтобы не упустить срок, и какими условиями обставлена возможность отказа от исполнения требований) состоит в том, что критерии разумности промедления в предъявлении иска императивно прописаны законодателем в виде продолжительности срока исковой давности, момента начала течения, оснований приостановления, перерыва и т.д., тогда как в оценке разумности срока фактического извещения покупателем продавца о недостатках товара суду предоставлена свобода усмотрения.

Конвенция об исковой давности прямо указывает на неприменимость ее положений к сроку извещения о недостатках товара, прописанному в ст. 39 Венской конвенции, из которой, как писал М.Г. Розенберг⁹⁰, и были позаимствованы в отечественный правопорядок ст.ст. 477 и 483 ГК РФ. Аналогичную по содержанию норму обнаруживаем в п. 2 ст. 10.1 PICC.

Институт срока извещения продавца о недостатках является довольно широко распространенным в зарубежных правопорядках институтом, который призван служить дополнительной по отношению к общегражданской исковой давности (с ее основаниями для приостановления, перерыва, нетечения и т.п.) мерой поддержания определенности правоотношений в торговом обороте. Следует, однако, отметить, что в том виде, в котором институт срока извещения о недостатках реализован в рамках российского правопорядка, он не способен приносить достаточную пользу коммерческому обороту по ряду причин, в числе которых:

⁹⁰ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части второй) (постатейный) / Г.Е. Авилов, Б.П. Варнавский, В.В. Глянец и др.; под ред. О.Н. Садикова. 2-е изд., испр. и доп. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М-НОРМА, 1997 // «СПС КонсультантПлюс».

1) *отсутствие определенности, связанной с растяжимостью понятия разумности*. Практика применения Венской конвенции знает примеры и когда восьмидневный срок был признан неразумным, и когда молчание покупателя в течение девяти месяцев было сочтено обоснованным⁹¹. Между тем коммерческий оборот противится широкому применению в его рамках каучуковых понятий. Примечательно в этом смысле то, как разрешен вопрос сроков извещения о недостатках в DCFR (ст.ст. III. – 3:107, IV.A. – 4:302), где предложено дифференцированное регулирование сроков извещения продавца о недостатках в зависимости от того, в рамках какой составляющей имущественного оборота заключен договор купли-продажи товаров:

- На договоры, в рамках которых покупателем является **потребитель** срок извещения вообще не распространяется;
- В отношении договоров купли-продажи в рамках общегражданского оборота применяется разумный срок извещения продавца, *отсчитываемый с момента, когда недостаток должен был быть обнаружен* (без каких-либо жестких временных ограничителей);
- Применительно к купле-продаже товаров **между коммерсантами** разумный срок в предыдущем пункте (из соображений устойчивости коммерческого оборота и определенности в вопросе размеров закладываемых в цену товара издержек, проистекающих из требований покупателя к недостаткам⁹²) дополняется предельным диспозитивным двухлетним сроком извещения, *отсчитываемым с момента передачи товара покупателю*.

2) *недостаточно решительные последствия упущения срока извещения*. Далеко не всегда продавцу удастся доказать невозможность удовлетворить требования покупателя или несоизмеримые расходы по сравнению с теми, какие продавец понес бы, если бы был своевременно извещен о нарушении

⁹¹ DiMatteo, L. International Sales Law: A Global Challenge. Cambridge University Press, 2014. P. 225 – 226.

⁹² Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full Edition / Ed. by C. von Bar, E. Clive, et al. 2009. P. 1379 (URL: http://www.transformacje.pl/wp-content/uploads/2012/12/european-private-law_en.pdf).

договора. Та же Венская конвенция (ст. 39), которая считается прототипом ст. 483 ГК РФ, связывает с упущением срока на извещение продавца о недостатках невозможность ссылаться на выявленные недостатки⁹³. Такое решение устраняет необходимость в существовании помимо срока извещения сроков обнаружения или проявления, поскольку их функция охватывается первым сроком: пресекается возможность появления требований из недостатков, возникших после истечения предельного срока извещения.

Таким образом, несмотря на уже отмеченное нами выше пресечение российским правом требований из недостатков товара, проявившихся после предельного срока обнаружения, следует признать, что предусмотренный в ст. ст. 477 и 483 двусоставный механизм (из срока обнаружения и срока извещения) не отличается высокой степенью оптимальности, последовательности и эффективности и вполне мог бы быть усовершенствован на основе известных современности актов торгового права.

6.3. Гарантийный срок

Определение этого понятия дано в п. 6 ст. 5 Закона от 07.02.1992 N 2300-1 "О защите прав потребителей": гарантийный срок - это период, в течение которого в случае обнаружения в товаре недостатков изготовитель (исполнитель), продавец, уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель, импортер обязаны удовлетворить требования потребителя, а именно:

- безвозмездно устранить недостатки товара или возместить расходы на их исправление потребителем или третьим лицом;
- соразмерно уменьшить покупную цену товара;
- заменить товар на товар аналогичной марки (модели, артикула);
- заменить товар на такой же товар другой марки (модели, артикула) с соответствующим перерасчетом покупной цены;

⁹³ Аналогичный подход реализован в ст. IV.A.-4:302 DCFR, п. 3 ст. 112 и п.1 ст. 207 ECC, ст. 7:23 Гражданского кодекса Нидерландов и др.

- отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар денежной суммы. При этом потребитель также вправе потребовать полного возмещения убытков, причиненных ему вследствие продажи товара ненадлежащего качества.

Подобная формулировка существенным образом сближает гарантийный срок со сроком обнаружения недостатков. Более того, советское законодательство (и вслед за ним доктрина⁹⁴) исходили из того, что гарантийный срок является сроком обнаружения недостатков (ст. 42 и 48 Основ гражданского законодательства СССР 1961 г.).

Следует, однако, понимать, что в рамках современного российского правопорядка подобное отождествление является неверным. Да, обнаружить недостатки товара, по общему правилу, необходимо в пределах гарантийного срока (абз. 1 п. 3 ст. 477 ГК РФ), однако обусловлено это лишь тем, что **срок обнаружения недостатков приравнивается к гарантийному сроку** (следует за ним), чего может и не происходить, если гарантийный срок будет меньше двух лет (п. 5 ст. 477 ГК РФ) либо если стороны самостоятельно согласуют срок обнаружения недостатков, отличный от гарантийного. Кроме того, срок обнаружения недостатков приравнивается не только к гарантийному сроку, но и к сроку годности при наличии такового (п. 4 ст. 477 ГК РФ).

Правовое же значение самого по себе гарантийного срока состоит в другом: это срок, обнаружение недостатков в течение которого **избавляет покупателя от необходимости доказывать**, что обнаруженные недостатки возникли до передачи товара либо по причинам, возникшим до передачи. Бремя доказывания обратного возлагается на продавца (п. 2 ст. 476, п. 5 ст. 477 ГК РФ).

Какого-либо взаимодействия гарантийного срока и срока исковой давности в российском коммерческом праве не предусмотрено. Однако оно в

⁹⁴ Грибанов В.П. Указ. соч. // URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/1/page_28.html (Дата обращения: 15.03.2018); Научно-практический комментарий к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, под ред. проф. С. Н. Братуся и проф. Е. А. Флейшиц. М., Госюриздат, 1962. С. 213; Научно-практический комментарий к ГК РСФСР, под ред. проф. Е. А. Флейшиц. М., <Юрид. лит., 1966, стр. 306 – 307.

принципе известно российскому гражданскому праву, а также актам торгового права за рубежом. Так, в ст. 11 Конвенции об исковой давности установлено правило, в соответствии с которым при предоставлении продавцом гарантии качества товара течение срока исковой давности по требованиям из его недостатков начинается с **даты уведомления покупателем продавца** о факте, послужившем основанием для такого требования, однако не позднее истечения срока действия гарантии (сходное правило содержится применительно к подрядным отношениям в п. 3 ст. 725 ГК РФ).

Обосновывается это правило стремлением не допустить ситуации, когда срок исковой давности (отсчитываемый с момента возникновения права на иск) истечет ранее, чем более длительный гарантийный срок⁹⁵. Такое правило открывает покупателю пространство для злоупотреблений: он может оттянуть момент начала течения исковой давности, сообщив продавцу о недостатках позже, чем они были обнаружены⁹⁶. Однако это пространство эффективно ограничивается, во-первых, самой Конвенцией об исковой давности: срок давности начнет течь не позднее дня истечения гарантийного срока; во-вторых, ранее упомянутый п. 1 ст. 39 Венской конвенции устанавливает, что покупатель лишается права ссылаться на недостатки товара, если продавец не был о них извещен в разумный срок с момента, когда недостатки **должны были быть обнаружены**.

⁹⁵ Smit, H. The Convention on the Limitation Period in the International Sale of Goods: Uncitral's First-Born. *The American Journal of Comparative Law*, vol. 23, no. 2, 1975. P. 342.

⁹⁶ Ibidem.

Заключение

Основные результаты настоящего исследования можно тезисно изложить в следующих положениях:

1) предложено разграничение двух основополагающих начал исковой давности, имеющее решающее значение в деле формирования целостной картины регулирования института, *без которой невозможна последовательная разработка специальных норм: объективное начало*, выражающееся в стремлении нормотворца обеспечить определенность правоотношений и устойчивость оборота, и *начало субъективное*, состоящее в желании нормотворца сделать регулирование справедливым по отношению к управомоченному лицу, небезосновательно оттягивающему момент предъявления иска;

2) доказано, что коммерческий оборот тяготеет к сокращению времени, фактически предоставляемого управомоченному лицу для реализации им права на иск, что предопределяет либо непосредственное сокращение продолжительности срока исковой давности, либо воздействие на иные элементы регулирования исковой давности при сохранении общей продолжительности срока. Предложено сохранить общий трехлетний срок исковой давности по требованиям из коммерческих отношений, но лишь при условии закрепления по этим требованиям в российском законодательстве объективного подхода к определению момента начала течения срока давности;

3) обоснована необходимость применения в рамках торговых отношений объективного подхода к определению момента начала течения исковой давности (с момента возникновения права на иск). Произведено

уточнение этого правила по отношению к имеющим ключевое значение в торговле требованиям из недостатков товара: моментом начала течения давности должна служить передача товара вне зависимости от явного или скрытого характера недостатков. Установлена нецелесообразность привязки начала течения срока давности по требованиям из недостатков товара к моменту фактического перехода товара во владение покупателя, который не всегда совпадает с моментом передачи товара. При этом моментом передачи товара в рамках транзитной купли-продажи товара в пути предложено считать, по общему правилу, момент передачи покупателю прав грузополучателя;

4) показана потребность коммерческого оборота в реагировании законодательства об исковой давности на внесудебные примирительные процедуры, не предусмотренные законом (в первую очередь, переговоры). Для описанных целей предложен механизм отсрочки истечения срока давности, являющийся более предпочтительным с точки зрения интересов торгового оборота, нежели приостановление течения срока;

5) выявлена нецелесообразность предоставления субъектам торговой деятельности широкой свободы договора применительно к вопросам исковой давности. Определен объем договорной свободы в указанном вопросе, которым минимизируются какие-либо возможные негативные для коммерческого оборота последствия допущения соглашений об исковой давности: речь о возможности влиять лишь на такой элемент исковой давности, как продолжительность ее срока, и лишь в сторону ее уменьшения;

6) произведено разграничение между сроком исковой давности и иными сроками, имеющими первоочередное значение в рамках коммерческого оборота: сроком обнаружения недостатков товара, сроком извещения о недостатках и гарантийным сроком. Ни один из перечисленных сроков, вопреки встречающемуся порой смешению, не может быть отождествлен со сроком исковой давности;

7) определены пределы применения специального правового режима к исковой давности по требованиям коммерсантов.

Список использованной литературы:

1. *Агарков М.М.* Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1: Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права. – М.: Статут, 2012.
2. *Ансон В.* Договорное право. М.: Юрид. лит., 1984.
3. *Беджаше Л.К.* Институт исковой давности в механизме принудительной защиты субъективных гражданских прав: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.
4. *Белов В.А.* Договор коммерческой (торговой) купли-продажи // Коммерческое право. Научно-практический журнал. — 2016. — № 1. С. 4 – 50.
5. *Белов В.А.* Кодекс европейского договорного права - European Contract Code: общий и сравнительно-правовой комментарий: в 2 кн. М.: Юрайт, 2015. Кн. 1.
6. Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 26. Изд-во "Советская энциклопедия". Издание 3-е. 1969 - 1978 гг.
7. *Виндшейд Б.* Учебник пандектного права: В 2 т. Т. 1: Общая часть / Пер. с нем.; Под ред. С.В. Пахмана. СПб.: Изд. А. Гиероглифова и И. Никифорова, 1874.
8. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001.
9. *Дмитриев А.Г.* Ответственность поставщика за качество и исковая давность // Советское государство и право. М.; Наука, 1967. - № 7. С. 56 – 64.
10. *Ерохова М.А., Сарбаш С.В.* Изменение сроков исковой давности по соглашению сторон // О договорах: Сборник статей к юбилею В.В. Витрянского. М.: Статут, 2017.
11. *Каминка А.И.* Очерки торгового права. М.: ЮрИнфоР, 2002.
12. *Катаржинская Н.И.* Исковая давность по требованиям, вытекающим из хозяйственных договоров // автореф. дисс., к.ю.н., М., 1966

13. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части второй) (постатейный) / Г.Е. Авилов, Б.П. Варнавский, В.В. Глянец и др.; под ред. О.Н. Садикова. 2-е изд., испр. и доп. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М-НОРМА, 1997.
14. Коммерческое право: учебник для академического бакалавриата / Под общ. ред. Б. И. Пугинского, В. А. Белова, Е. А. Абросимовой. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2017.
15. *Коровяковский Д.Г.* О некоторых альтернативных способах разрешения споров (ADR) государств, входящих в ВТО (на примере США, Австралии, Франции, Германии, Великобритании, Российской Федерации). Российский судья. 2014. N 11. С. 16 - 19.
16. *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958.
17. *Лапиров-Скобло М.Я.* Исковая давность по имущественным спорам между хозяйственными организациями. М., 1961.
18. Материалы семинара по Конвенции об исковой давности и Конвенции о договоре международной купли-продажи товаров, разработанные в рамках Комиссии ООН по праву международной торговли. М., 1983.
19. Научно-практический комментарий к Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, под ред. проф. С. Н. Братуся и проф. Е. А. Флейшиц. М.: Госюриздат, 1962.
20. Научно-практический комментарий к ГК РСФСР, под ред. проф. Е. А. Флейшиц. М.: Юрид. лит., 1966.
21. *Новицкий И.Б.* Сделки. Исковая давность. М., 1954.
22. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. Петроград, 1917.
23. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / Н.А. Баринов, К.П. Беляев, Е.В. Вавилин и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. Т. 1.

24. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / И.В. Бандурина, А.В. Демкина, Л.Г. Ефимова и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М: Статут, 2011. Т. 2.
25. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / Пер. с англ. А.С. Комарова. – М.: Статут, 2013.
26. Проект Гражданского уложения. Кн. 1. Положения общие. М., 2007.
27. *Розенберг М.Г.* Исковая давность в международном коммерческом обороте: практика применения. М.: Статут, 1999.
28. *Савин К.Г.* Соглашения об исковой давности // Вестник гражданского права. 2017. N 6.
29. *Савиньи Ф.К.* Система современного римского права: В 8 т. Т. III / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М.: Статут, 2013.
30. *Селезнев А.К.* Исковая давность в хозяйственных взаимоотношениях социалистических организаций, М., 1977.
31. *Удинцев В.А.* История обособления торгового права. Киев, 1900.
32. *Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. / Пер. с нем. М.: Международные отношения, 2000. Т. 2.
33. *Цитович П.П.* Очерк основных понятий торгового права. Киев, 1886.
34. *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права: лекции. Т. 1. Казань: Типография Императорского университета, 1888.
35. *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. В 4 т. Том I. Введение. Торговые деятели. - М.: Издательство Юрайт, 2016. – Серия: Антология мысли.
36. *Шершеневич, Г. Ф.* Курс торгового права в 4 т. Том 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс — М.: Издательство Юрайт, 2018. — Серия: Антология мысли.

37. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. 1. М.: Статут, 2005 (по изд. 1914 г.).
38. *Эннекцерус Л.* Курс германского гражданского права. Т. I. Полутом 2: Введение и общая часть: Пер. с 13-го нем. изд. 1931 г. М.: Иностр. лит., 1950.
39. *Andrews, N.H.* Reform of Limitation of Actions: The Quest for Sound Policy [Реформа исковой давности: в стремлении к разумной политике]. *The Cambridge Law Journal*, vol. 57, no. 3, 1998, pp. 589 – 610.
40. *Bonell, M.J.* Limitation Periods. Chapter 31 // Towards a European Civil Code [Исковая давность. Глава 31 // К Европейскому гражданскому кодексу]. 4th ed., revised and expanded. The Hague, 2010.
41. *Catala, P.* Proposal for Reform of the Law of Obligations and the Law of Prescription: English translation by John Cartwright and Simon Whittaker [Предложение о реформировании обязательственного права и права исковой давности: пер. на англ. Д. Картрайт и С. Уиттакер]. Oxford, 2007.
42. *Chitty on Contracts*. 31st ed. Vol. 1. [Читти о контрактах. 31-е изд. Т. 1.] Sweet & Maxwell (U.K.), 2012.
43. *DiMatteo, L.* International Sales Law: A Global Challenge [Международное право купли-продажи: глобальный вызов]. Cambridge University Press, 2014.
44. *Lando, H.* A Rationale for the Limitation Period in Sales Law [Обоснование срока исковой давности в праве купли-продажи]. 2007, available at SSRN: <http://ssrn.com/abstract=989362>.
45. *Law Commission (Eng)*. Limitation of Actions, Consultation Paper No 151 [Комиссия по реформированию английского права. Консультационный документ по исковой давности] (1998).
46. *Law Commission (Eng)*. Limitation of Actions, Report No 270 [Комиссия по реформированию английского права. Доклад об исковой давности № 270]. London, Apr 2001.

47. *Law Reform Commission (Irl)*. Limitation of Actions Consultation Paper No 54 [Комиссия по реформированию ирландского права. Консультационный документ по исковой давности]. Dublin, Jul 2009.

48. *Scottish Law Commission*. Report on Prescription No 247 [Комиссия по реформированию шотландского права. Доклад об исковой давности № 247]. Edinburgh, Jul 2017.

49. *Nelson, S*. American Bar Association Section of International Law and Practice Reports to the House of Delegates [Американская ассоциация адвокатов, секция международного права и практики, доклады Палате представителей]. *The International Lawyer*, vol. 24, no. 2, 1990, pp. 583 – 605.

50. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full Edition / Ed. by C. von Bar, E. Clive, et al [Принципы, определения и модельные нормы европейского частного права: проект общей рамочной (справочной) системы. Полное издание. Под ред. К. Фон Бара, Э. Клайва и др.]. 2009 (URL: http://www.transformacje.pl/wp-content/uploads/2012/12/european-private-law_en.pdf).

51. *Schlechtriem, P., Schwenger, I*. Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG) [Комментарий к Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров]. 4th ed. / Edited by I. Schwenger. Oxford: Oxford University Press, 2016.

52. *Schwenger, I., P. Hachem, and C. Kee*. Global Sales and Contract Law [Международная купля-продажа и договорное право]. Oxford University Press, 2012.

53. *Shivbir, S. Grewal*. Risk of Loss in Goods Sold during Transit: A Comparative Study of the U.N. Convention on Contracts for the International Sale of Goods, the U.C.C., and the British Sale of Goods Act [Риск случайной гибели в транзитной купле-продаже товаров: сравнительно-правовое исследование Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров,

Единообразного торгового кодекса США и британского Закона о купле-продаже товаров], 14 *Loy. L.A. Int'l & Comp. L. Rev.* 93 (1991).

54. *Smit, H.* The Convention on the Limitation Period in the International Sale of Goods: Uncitral's First-Born [Конвенция об исковой давности в международной купле-продаже товаров: первенец ЮНСИТРАЛ]. *The American Journal of Comparative Law*, vol. 23, no. 2, 1975, pp. 337-362.

55. *Treitel, G.* The Law of Contract. 11th ed [Договорное право. 11-е изд.]. L., 2003.

56. *United Nations Conference on Contracts for International Sale of Goods*, Vienna, 10 March - 11 April 1980. A/CONF.97/19. Official Records [Конференция ООН по договорам международной купли-продажи товаров, Вена; 10 марта – 11 апреля 1980 г. Официальные материалы] (United Nations publication, Sales No. E.81.IV.3).

57. *United Nations Conference on Prescription (Limitation) in the International Sale of Goods*, New York; 20 May – 14 June 1974. A/CONF.63/16.Official Records [Конференция ООН по вопросам исковой давности в международной купле-продаже товаров, Нью-Йорк; 20 мая – 14 июня 1974 г. Официальные материалы] (United Nations publication, Sales No. E.74.V.8).

58. *Working Group for the preparation of Principles for International Commercial Contracts*. Chapter [...] Limitation of actions by prescription (Position Paper prepared by Professor P. Schlechtriem) [Доклад профессора П. Шлехтриема по главе об исковой давности для Рабочей группы по разработке Принципов международных коммерческих договоров] – Rome, January 1999 (<https://www.unidroit.org/english/documents/1999/study50/s-50-058-e.pdf>).

59. *Zimmermann, R.* Comparative foundations of a European law of set-off and prescription [Сравнительно-правовые основы европейского права зачета и исковой давности]. – Cambridge University Press, 2002.

60. *Zimmermann, R.* The New German Law of Obligations. Historical and Comparative Perspectives [Новое германское обязательственное право. Исторический и сравнительно-правовой подход]. Oxford, 2005.

Список нормативных актов:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров. Вена, 1980 год // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция Организации Объединенных Наций об исковой давности в международной купле-продаже товаров. Нью-Йорк, 1974 год // СПС «КонсультантПлюс».
3. Общие условия поставок товаров между организациями стран - членов СЭВ 1968 / 1988 гг. (ОУП СЭВ 1968 / 1988 гг.). Приняты 11.10.1988 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая - Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ; часть вторая - Федеральный закон от 26 января 1996 г. N 14-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 03.07.2016) "О защите прав потребителей" // СПС «КонсультантПлюс».
6. "Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации" от 30.04.1999 N 81-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 30.06.2003 N 87-ФЗ (ред. от 06.07.2016) "О транспортно-экспедиционной деятельности" // СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 28.12.2009 N 381-ФЗ "Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" // СПС «КонсультантПлюс».

10. Федеральный закон от 02.11.2013 N 302-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

11. Федеральный закон от 07.05.2013 N 100-ФЗ "О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" (с изм. от 15.02.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

Перечень материалов судебной практики:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 N 43 "О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности" // СПС «КонсультантПлюс».

2. Определение Верховного Суда РФ от 06.11.2014 N 307-ЭС14-3985 по делу N А56-47381/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Определение ВАС РФ от 18.08.2008 N 10196/08 по делу N А56-14066/2007 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Определение ВАС РФ от 21.10.2008 N 13791/08 по делу N А32-17955/2003-50/450 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.11.2016 N Ф05-17022/2016 по делу N А41-9681/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.11.2016 N Ф05-17042/2016 по делу N А40-240326/15 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 15.10.2012 по делу N А56-52774/2011 // СПС «КонсультантПлюс».